

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Кингисепп, 2009

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Городская идентичность и историческая память: сравнительное исследование прикладных кейсов малых городов Ленинградской области

Ольга Владимировна Воробьевая^[1]

✉ helga.sparrow@gmail.com

^[1] Независимый исследователь

Для цитирования статьи:

Воробьевая, О. В. (2024). Городская идентичность и историческая память: сравнительное исследование прикладных кейсов малых городов Ленинградской области. *Фольклор и антропология города*, VI(1–2), 96–158. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-96-158.

В статье анализируется материал, собранный в рамках прикладных исследований для проектов благоустройства городской среды. В выборку вошли 7 малых городов Ленинградской области: приграничные города (Ивангород и Светогорск), город-спутник Санкт-Петербурга (Коммунар Гатчинского района), города Свирско-Ладожского бассейна (Новая Ладога, Волхов, Сясьстрой и Подпорожье). Путем вынужденно краткой вследствие локдауна 2020 года полевой работы и специализированных открытых вопросов в опросниках, направленных на заполнение дефицитов полевых данных, выявились следующие аспекты: присутствующие в актуальном дискурсе жителей сюжеты локальной истории, известные горожанам персоналии, семантические кластеры локальной идентичности «для внутреннего пользования» и для внешней презентации, ментальная карта значимых «демонстрационных» городских объектов. По результатам метаисследования было выявлено, что для рассмотренных городов сохранность конкретных исторических сюжетов связана на два основных фактора — попадание сюжета в ядро городской идентичности и представленность его в городских объектах и топонимах). Историческая память коррелирует с давностью проживания семей в данном городе: чем позже произошел последний массовый приток новых жителей, тем меньше распространность и разнообразие исторических сюжетов. Сохранность исторической памяти имеет обратную корреляцию с демографическим благополучием города: прирост населения в рассмотренных кейсах наблюдается только в городах-спутниках и только за счет миграции, что еще сильнее «вымывает» локальные сюжеты. Наиболее распространенными и важными для жителей этих городов оказались сюжеты о Великой Отечественной войне; рассказы об индустриальной славе раннего Советского Союза; ламентации об «утраченном рае» советского периода и привнесшей ему на смену «разрухе»; рефлексия жителей о городском статусе своего населенного пункта.

Ключевые слова: историческая память, локальная идентичность, символический капитал, Ленинградская область, прикладные исследования, опрос

Автор выражает благодарность коллеге Георгию Медвинскому за помощь в работе над кейсами Светогорска и Подпорожья.

Local identity and historical memory: comparative research of applied cases in small towns of Leningrad region

Olga V. Vorobyeva^[1]

✉ helga.sparrow@gmail.com

^[1]Independent researcher

To cite this article:

Vorobyeva, O. (2024). Local identity and historical memory: comparative research of applied cases in small towns of Leningrad region. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(1–2), 96–158. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-96-158. (In Russian).

The article delves into material gathered as part of applied research for urban planning. The sample includes 7 small towns in the Leningrad region: border towns (Ivangorod and Svetogorsk), a satellite town of St. Petersburg (Kommunark of Gatchina district), and towns of Ladoga Lake and the river Svir' (Novaya Ladoga, Volkov, Syasstroy, and Podporozhye). Through necessarily brief fieldwork and specialized open-ended questions in questionnaires aimed at filling gaps in field data short due to lockdown 2020, the following aspects were identified: themes of local history present in the current discourse of residents, personalities known to the townsfolk, semantic clusters of local identity for internal use and for external representation, mental map of local objects important for representation of the town. The meta-analysis uncovered that for the examined towns, the preservation of specific historical narratives is tied to two main factors — the incorporation of these narratives into the core of urban identity and their manifestation in the physical environment (in objects and toponyms). Historical memory correlates with the length of time families have lived in the city: the later the last mass influx of new residents occurred, the less widespread and varied historical narratives are. The preservation of historical memory demonstrates an inverse correlation with the demographic prosperity of the city: population growth, in the cases examined, is only observable in satellite towns and only due to migration, which further "washes out" local narratives. The most common and important of the latest for the residents of these towns were stories about the Second World War; tales of the industrial glory of the early Soviet Union; lamentations over the "lost paradise" of the Soviet era and the "ruin" that followed it; residents' reflection on the urban status of their settlement.

Keywords: historical memory, local identity, symbolic capital, Leningrad region, applied research, survey

We express our gratitude to colleague Georgy Medvinsky for assistance in Svetogorsk and Podporozhye cases.

ВВЕДЕНИЕ

Локальные нарративы и историческая память — один из излюбленных антропологических сюжетов во время полевой работы. Как правило, их выявление требует длительной и тщательной

полевой работы, включенного наблюдения, ряда глубинных интервью с разными группами жителей, в идеале совмещенных с walk-along методологией. Тогда на определенном этапе в поле появляются рассказы о детских воспоминаниях, былички, городские легенды и прочие локальные нарративы, которые обычно нельзя спровоцировать при первом взаимодействии или нельзя спровоцировать вовсе. Однако иногда в работе антрополога случаются эпизоды, когда глубокая работа при помощи включенного наблюдения и обширных многочисленных интервью оказывается невозможной. Тем не менее, нам кажется несправедливым сбрасывать со счетов результаты подобных экспресс-исследований, тем более что они, как правило, связаны с прикладными городскими исследованиями, то есть на их основании делаются выводы и принимаются решения по дальнейшему устройству городской среды. О серии таких исследований весной 2020 года и пойдет речь в настоящей статье.

Данная методология была выработана автором статьи в рамках подготовки к федеральному конкурсу проектов благоустройства городской среды «Малые города и исторические поселения»¹ в рамках работы в Центре компетенций по развитию городской среды Ленинградской области (далее ЦКЛО²). Данный конкурс подразумевает, помимо подготовки архитектурного эскизного проекта, социальное исследование, связанное с предлагаемой для благоустройства территорией, а также вовлечение жителей в разработку эскизного проекта, причем результаты обоих этих этапов должны быть учтены проектировщиками и воплощены в эскизе.

Первый «выпуск» конкурсных проектов недавно созданного ЦКЛО пришелся на весну 2020 года, характеризующуюся локдауном, а также попыткой руководства подразделения «вывести» на конкурс как можно больше городов. Первоначально предполагалось провести в них полноценное качественное поле, как описано в [Алексеевский 2015]. Однако в итоге социальное исследование приняло следующие формы. До локдауна в начале марта 2020 года автору удалось совершить первый выезд в города-участники с «живой» полевой работой, который и оказался последним. Остальные сведения пришлось добирать при помощи открытых вопросов количественного опроса, а также качественных данных, полученных из онлайн фокус-групп и проектировочных сессий, проведенных в рамках стратегии вовлечения жителей в разработку архитектурного эскиза. Процесс также осложнялся тем, что в течение трех месяцев необходимо было подготовить исследования и их результаты параллельно на семь городов-участников, что создавало острый дефицит времени единственного исследователя на глубокое погружение в контекст конкретного города. Часть городов сошли с дистанции в указанный период, однако подались на

¹ <https://konkurs.gorodsreda.ru/>, актуальное название «Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях».

² <https://vk.com/gorodsreda47>

следующий год конкурса; тем не менее, исследовательская работа по ним была проведена именно в марте–мае 2020 года.

Подробности полевой работы и структуру опросника, выведенного для компенсации дефицитов при отсутствии глубокого и вдумчивого поля, см. в [Воробьева 2021]. Выезд в поле предполагал визуальный анализ среды, наблюдение, ряд блиц-интервью с прохожими, а также отдельные глубинные интервью с администрацией, экспертами и жителями — как стационарные, так и интервью-прогулки (о walk-along методологии см. напр. [Kusenbach 2003]), а также интервью с применением ментальных карт ([Линч 1982] и многие другие). Материалы интервью и полевого дневника ложились в основу количественного опроса, фокус-групп с актуальными и потенциальными пользователями территории, отчета о социальной ситуации, а также соответствующих разделов конкурсной заявки.

Опросник, опиравшийся на наработки Центра развития городской среды Удмуртской республики [2019], состоял из четырех тематических блоков: актуальное состояние территории, пожелания к благоустройству, идентичность горожан и социально-демографические характеристики респондентов. Опросник включал как закрытые вопросы для получения количественных данных, так и открытые для компенсации дефицита качественного полевого этапа. Выборка в представленных условиях была стихийная: опросник распространялся силами администрации и через тематические группы социальной сети «ВКонтакте». Это приводило к перекосу в репрезентативности: как правило, среди респондентов оказывалось примерно 70% женщин и 30% мужчин, а также абсолютное большинство респондентов было возрастом 30–50 лет с минимальной представленностью более старших и более младших возрастных когорт. Однако в случае стихийной выборки репрезентативность невозможна. В результате для города в 10 000–20 000 жителей среднее число заполнивших — 300–400 человек.

СБОР ДАННЫХ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Несмотря на ограничения описанных исследований, автор постаралась собрать как можно больше классической антропологической «фактуры» теми методами, которые были возможны в сложившихся обстоятельствах. В частности, для выявления объектов коллективной памяти был задан ряд открытых вопросов, направленных как на индивидуальную память о местах и событиях, лично наблюдавшихся респондентом, так и на память историческую, не отражающую личного опыта человека, но воспроизводящую некий распространенный в городе нарратив.

Важной частью такой памяти стала память семейная: в городах с длительным проживанием семей большинства респондентов в данном месте (3–4 поколения и более в нашем случае) события и процессы столетней давности могут быть важной точкой сборки городской идентичности и чувства принадлежности. Морис Хальбвакс так описывает

подобные ощущения: «Когда я хочу представить себе, как тогда жили, как думали, мои мысли обращаются именно к ним [моим родителям]. Именно поэтому новейшая история интересует меня совсем иным образом, чем история прежних веков. Конечно, я не могу сказать, что помню все подробности событий, поскольку знаком с ними только по книгам. Но эта эпоха, в отличие от других, живет в моей памяти, поскольку я был в нее погружен, и многие мои воспоминания о том времени попросту являются ее отражением» [Хальбвакс 2005]. В случае же прерывания такой преемственности для жителей характерны скорее сюжеты из более давней, «книжной» истории, либо опора только на индивидуальную память и события, свидетелем которых стал респондент.

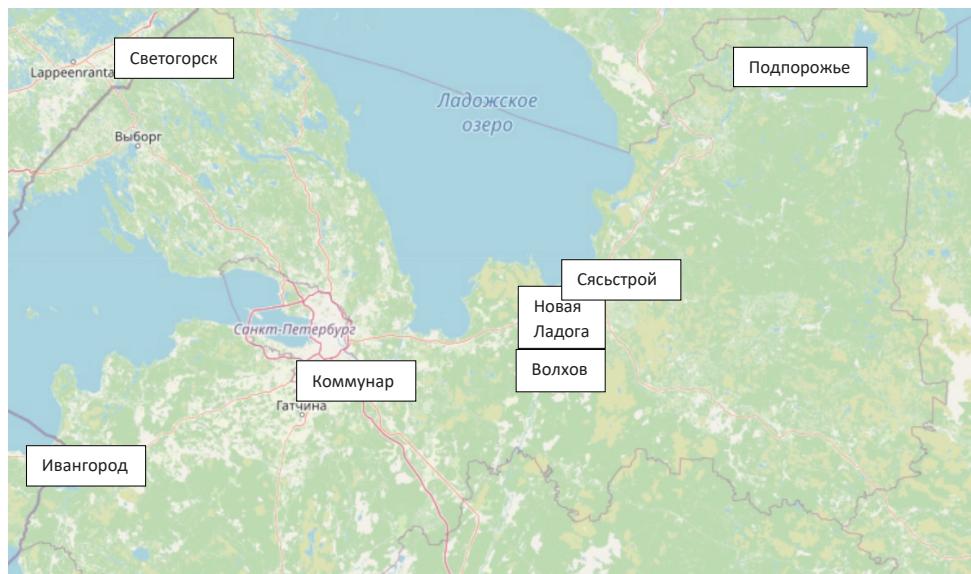
Ряд вопросов исследования был направлен на сбор того, что Пьер Нора назвал «местами памяти» [Нора 1999]: структуру городских достопримечательностей, городские календарные ритуалы, имена важных для города людей безотносительно исторической эпохи. Практика показала, что сюжеты, распространенные в городе, коррелируют с местами памяти, доступными горожанам: исторический эпизод, подкрепленный физическим (зданием, монументом и др.) или символическим объектом (официальное или неофициальное название улицы, района), имеет больше шансов на воспроизведение, чем отсутствующий в среде. Исключение могут составлять объекты индивидуальной памяти респондентов: отсутствие физического воплощения важного объекта, на который завязано чувство принадлежности, само по себе может оказаться местом памяти.

Таким образом, в этой статье мы разберем ответы на следующие открытые вопросы анкеты. Вопрос об *истории города* дает нам некоторый срез того, насколько горожане вообще рефлексируют по поводу исторического процесса, а также какого рода сведения — «исторические» или «личностные» — там преобладают. Вопрос о *важных для данного города людях* (как исторических деятелях, так и современниках), помимо вышеобозначенного, помогает понять, в какой контексте встраивают себя горожане, в каком масштабе мыслят свой город, существуют ли в местном дискурсе «демиурги» и другие персонифицированные обитатели локальных нарративов. Вопрос о *структуре городских достопримечательностей* («Куда бы вы повели иногороднего гостя?») позволяет выстроить «парадный фасад» города, его «экспортную» презентацию. Вопрос о *воспринимаемой уникальности города* был сформулирован вместо неэффективного вопроса «За что вы любите город X?», ответом на который всегда было «потому что это мой дом, моя родина» и т.д. Также в опроснике был встроен ассоциативный эксперимент («Назовите 3 образа или ассоциации с вашим городом»), раскрывающий те черты города, которые кажутся горожанам значимыми «изнутри», не для демонстрации пришельцу. Все эти ответы анализировались в том числе с точки зрения *давности проживания семьи респондента в данном городе*, что оказалось одним из ключевых факторов трансляции ло-

кального нарратива. Эпизодически мы будем обращаться к вопросам о территориях проектирования, их истории и индивидуальным воспоминаниям о них, если они значимы для общегородского исторического нарратива.

Обработка количественных ответов фактически велась качественными методами: ответы кластеризовались по смыслу с выделением ведущих мотивов и «обертонов», настроения и отношения горожан к обсуждаемым вопросам. Для определенного типа вопросов наглядным оказался метод представления результатов при помощи автоматической программы «облако слов», в котором размер слова зависит от его частотности. В данной статье приведены такие облака в тех случаях, когда они были репрезентативны. Орфография и пунктуация ответов, приводимых в качестве цитат, сохранены.

ГОРОДА-УЧАСТНИКИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Илл. 1. Ленинградская область и рассматриваемые в рамках кейсов малые города
Ill. 1. Leningrad region and the small towns examined within the framework of the cases

В первую весну работы ЦКЛО (2020 год) было проведено 7 исследований городов Ленинградской области, претендовавших на участие в конкурсе. Данная исследовательская ситуация, не позволяя глубокой работы с каждым городом в отдельности, тем не менее, дала редкую возможность сравнения идентичности и исторической памяти жителей городов одного региона на метауровне с использованием единой методологии.

Основанием категоризации этих городов мы взяли географическое положение (Илл. 1). Так, среди них есть спальные сателлиты мега-

полиса (Коммунар), приграничные города (Светогорск и Ивангород) и типичные «провинциальные» городки, строящие свою жизнь без доступа к инфраструктуре и символическому капиталу большого города (Волхов, Новая Ладога, Сясьстрой, Подпорожье). Это разделение также накладывает важный отпечаток на самоощущение жителей: мегаполис, как огромный магнит, «оттягивает» на себя как идентичность, так и рабочие и досуговые практики жителей городков-сателлитов; приграничный статус ведет к постоянному сравнению себя «с Европой» и возможности трансграничных практик (например, «челночному» бизнесу), а также самоощущению себя на защите «рубежей Родины»; остальные в своей идентичности больше опираются на себя и собственные ресурсы, чем на противопоставление себя кому-то еще (соседнему мегаполису или соседней стране).

Рассмотрим идентичность и историческую память жителей этих городов подробнее.

ПРИГРАНИЧНЫЕ ГОРОДА

Ивангород

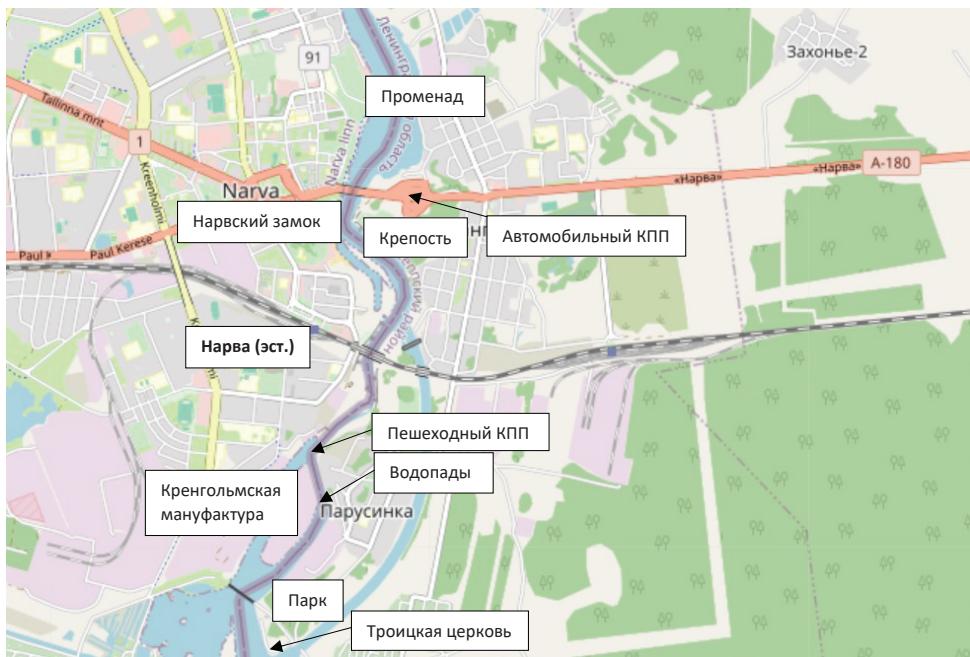
Ивангород упоминается в русских летописях с XV века. Сейчас это небольшой приграничный городок с населением порядка 9 000 человек³, главная достопримечательность которого — крепость, основанная Иваном III для защиты от соседей-ливонцев. От эстонского города Нарва Ивангород отделяет два моста через реку Нарова с пограничными пропускными пунктами. Исторической застройки в городе почти не сохранилось, за исключением крепости (восстановлена после войны из сильно руинированного состояния) и жилого квартала Парусинка (вторая половина XIX века).

Ивангород связан с Ливонскими походами Ивана IV, Северной войной Петра I со шведами, сложной историей Гражданской войны, принадлежностью к Эстонской Республике в межвоенный период, а также с жестокими боями Второй мировой. После раз渲ала СССР Ивангород, фактически входивший в агломерацию с Нарвой, оказался «наживую» отрезан от соседа, что также отразилось в городской памяти.

Территориальное исследование касалось не исторического центра города, а рабочего района Кренгольмской текстильной мануфактуры — так называемой Парусинки, основанной бароном Александром Штиглицем на водопадах на реке Нарове. Исследование показало, что представления горожан об истории города вообще и городские нарративы о Парусинке — практически изолированные сюжеты, попадающие в разные «кластеры» восприятия. Карту важных для жителей объектов см. на Илл. 2.

---

³ Численность населения здесь и далее дана на 2020 год.

Илл. 2. План города Ивангород
Ill. 2: Plan of Ivangorod Town

Вопрос о давности проживания семьи в городе показал, что семьи примерно трети респондентов живут в городе два поколения, а еще 36,1% – начиная с бабушек и дедушек, т. е. основная часть жителей заселилась в Ивангород после 1945 года, с момента окончания войны, восстановления деятельности мануфактур и строительства ГЭС на реке Нарове. При этом почти пятая часть респондентов – первое поколение своей семьи в Ивангороде, а четыре и более поколений здесь живет семья менее 10% ответивших. Это означает, что смысловое поле для многих горожан будет состоять скорее из их личных воспоминаний и впечатлений о городе (вспомним М. Хальбвакса), нежели из семейных рассказов, городских легенд и т. д. Это подтверждается ответами на другие вопросы: так, респонденты зачастую объясняли свое незнание местной истории или иных особенностей тем, что они приезжие и живут «недавно» (для разных людей категория «недавно» варьирует от нескольких лет до нескольких десятков лет).

Общегородской исторический контекст оказывается вписан в «большую» историю страны: доминантными оказываются сюжеты об основании города и крепости при Иване III; русско-шведские войны от Ивана IV до Петра I, сам Петр в Северной войне – сначала проигравший, после победитель; и бои Великой Отечественной войны – впрочем, представленные без подробностей. Менее распространенными, но не менее интересными оказываются более «локальные» сюжеты: история района Парусинка, прочно связанная с деятельностью барона Штиглица; недавняя история на памяти местных жителей с закрытием границы после

развала Советского Союза, сопряженная с разрывом связей с Нарвой и развалом инфраструктуры, общей для двух городов; местная история Гражданской войны 1918–1920 с эпидемией тифа, «белогвардейской Голгофой», боями новосозданной Красной армии с немецкими войсками и переходом Ивангорода к Эстонии; послевоенное строительство ГЭС, которая была важным источником как электроэнергии, так и рабочих мест. Фактически история города сводится к череде оборонных кампаний бесчисленных войн («оборонительный рубеж во все времена»⁴) и к двум периодам процветания, оба из которых связаны с функционированием текстильной фабрики. Отдельно стоит отметить, что хоть какую-то историческую информацию предоставило порядка 18% респондентов.

Так, респонденты отвечают на вопрос об исторических вехах следующим образом:

Иван-3 становление Ивангорода, Петр1-окно в Европу, деятельность барона Штиглица, ленинская граница с Эстонией, Отечественная война, послевоенный расцвет и подъем жизнедеятельности, перестройка, упадок⁵.

Иван III, Русско-шведская война; Северная война, Эstonский Ивангород в первую мировую войну (1918); бои во время ВОВ⁶.

Принимал неоднократно участие в войнах с европейскими державами, странами и всякими орденами. Строительство ГЭС⁷.

Основание Иваном 3, оборонительный рубеж *во все времена* (ливонские, шведские, немецкие нападения). Походы Петра 1. Освобождение от фашистов во 2-ю мировую...у города богатейшая история. Новый толчок развития получил при бароне Штиглице⁸.

1492, год основания. 18 век «Северная война». послевоенное строительство ГЭС и советский период городов Нарва – Ивангород. 90е и закрытие границы с Эстонией, нынешняя разруха, если что и делается то это очень незаметно и город тонет⁹.

1. Строительство крепости. 2. Строительство градообразующих фабрик барона Штиглица и посёлка Парусинка. 3. Деградация и гибель всего выше-перечисленного¹⁰.

На вопрос о важных для города и его истории людях ивангородцы ответили следующим образом (в порядке убывания частотности):

- барон Александр Штиглиц (также единичные упоминания его отца Людвига и супруги Надежды),
  - Иван III,
  - Петр I,
  - Иван IV Грозный,
-

⁴ Жен., 60–69 лет, первое поколение. Здесь и далее в этом разделе данные приводятся по опросу «Ивангород–Парусинка» (апрель 2020 года, N=296) с сохранением орфографии и пунктуации информантов.

⁵ Муж., 60–69 лет, третье поколение.

⁶ Жен., 50–59 лет, первое поколение.

⁷ Муж., 40–49 лет, второе поколение.

⁸ См. сноска 4.

⁹ Муж., 20–29 лет, четвертое поколение.

¹⁰ Жен., 40–49 лет, четвертое поколение.

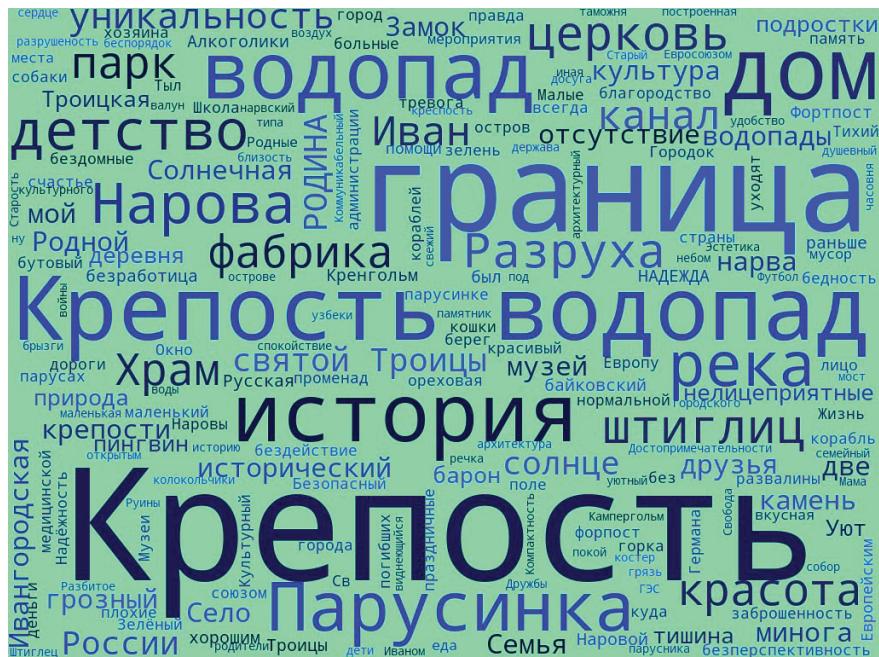
- Н. П. Наумов, директор школы № 1 до 1991 года,
  - И. Я. Билибин, художник,
  - Серафима Лисс, поэтесса, старший инженер Нарвской ГЭС,
  - И. И. Федюнинский, генерал ВОВ, командовавший Нарвской операцией в 1944 году,
  - В. Д. Дубчак, директор завода котельно-вспомогательного оборудования,
  - Ф. Я. Пантелеев, меценат.

Также единичные ответы касались самых разнообразных людей — от Стефана Батория, воеводы Хворостинина и графа Орлова до главврача больницы В. Н. Иванова.

Что интересно, несмотря на то что наиболее актуализированным историческим периодом является основание крепости, ее основатель Иван III оказывается в три раза менее популярен, чем барон Штиглиц. Обратное тоже верно: период деятельности Штиглица оказывается в три раза менее важен, чем период основания города. Получается, что из истории горожанам важнее сюжет о постройке крепости и сама крепость как зримое его подтверждение (то самое «место памяти»), но с точки зрения значимости для города куда более важным оказывается промышленник и меценат Штиглиц, поскольку его период ассоциируется у жителей с развитием и процветанием города.

Среди других важных для Ивангорода личностей – цари, деятели культуры как общероссийского, так и местного масштаба, инженеры и генерал ВОВ. К последнему мы еще вернемся в Приладожье.

Метод свободных ассоциаций показал следующую картину у ивангородцев (Илл. 3).

*Илл. 3. Ивангород, ответ на вопрос «Назовите 3 первые ассоциации с Ивангородом»
Ill. 3. Ivangorod — response to the question “Name 3 first associations with Ivangorod”*

Как мы видим, семантическое ядро восприятия своего города у ивангородцев состоит из следующей комбинации: «крепость — граница, форпост — водопад — дом, родина — история — река, Нарова, берег — Парусинка — церковь, храм св. Троицы — развалины, разруха, руины». Получается, что жители воспринимают свой город через две основные призы: как исторический город с соответствующим архитектурным наследием, а также через его уникальное географическое положение — границу, отмеченную рекой, и водопады. Интересно, что в семантическое ядро не попадает ни один исторический деятель, а также не входят ивангородские фабрики: приграничная история оказывается важнее истории промышленной. Также жителями тяжело переживается упадок своего города, его худшее состояние по сравнению с предыдущим периодом.

В ответах на вопрос об уникальности Ивангорода можно выделить следующие смысловые блоки:

- местоположение: «близость границы с Эстонией», «форпост», «визитная карточка России»,
- «история»,
- «крепость (две крепости напротив друг друга)»,
- «маленький город», «тихий», «спокойный», «уютный», «приветливый»,
- «водопады»,
- «архитектура», «фабрика», «парк», «крепость», «церковь»,
- «природа», «зеленый», «живописная местность», «чистый воздух»,
- «родина», «дом»,
- «разрушенность», «запущенность», «пьянь», «безнадежность».

Таким образом, горожане осознают уникальность Ивангорода и способ его презентации «наружу» в треугольнике «граница — историческое наследие — природные достопримечательности». Граница в данном случае оказывается важнее истории (в отличие от вопроса на ассоциации), а крепость сама по себе или в оппозиции к Нарвскому замку оказывается лишь на третьем месте.

Вопрос, направленный на выявление структуры репрезентирующих город мест в представлении горожан, формулировался как «Куда бы вы повели иногороднего гостя?». Были получены следующие ответы:

- в крепость,
- к водопаду,
- в церковь св. Троицы, в усыпальницу барона Штиглица,
- в парк Штиглица,
- на променад (прогулочная зона вдоль Наровы недалеко от автомобильного КПП — ОВ),
- на Парусинку в целом,
- на водохранилище,
- в городской музей,
- на канал, отделяющий район Парусинка.

Как мы видим, несмотря на низкую информированность тури-

стов о существовании Нарвских водопадов, они и другие достопримечательности Парусинки уверенно удерживают второе-четвертое места среди важных «демонстрационных» мест в восприятии местных жителей сразу после крепости. Список предложенных достопримечательностей объединяет воплощенную в архитектуре историю и природно-географические особенности, за исключением собственно границы, которая, таким образом, не воспринимается «достопримечательностью» и вообще объектом среды, а приграничные КПП во все отсутствуют на воображаемой карте города и в ответе ни на один вопрос не упоминаются отдельно (Илл. 4). То есть основная функция границы в восприятии ивангородцев – служить стеной, а не дверью.

*Илл. 4. Ивангород, ответ на вопрос «Куда бы вы повели иногороднего гостя?»
Ill. 4. Ivangorod — response to the question “Where would you take a non-local guest?”*

Что касается самой Парусинки, жители помнят о ее истории следующие смысловые блоки:

- барон Александр Штиглиц и основание льноджутовой фабрики, а также постройка жилого квартала для рабочих: «Это были казармы для рабочих, работающих на фабрике барона Штиглица»¹¹, «Парусинку построил штиглиц»¹², «Изначально проектировалось как цеха фабрики»¹³, «На данной территории находится имение Барона

¹¹ Жен., 40–49 лет, второе поколение.

¹²Жен., 30–39 лет, второе поколение.

¹³Жен., 40–49 лет, первое поколение.

Штиглица»¹⁴ и др. Иногда Александра Штиглица путают с его отцом Людвигом, а также респонденты зачастую сомневаются, являются ли жилые дома изначально жилыми или все же производственными;

- водопады: самые широкие в Европе; раньше использовались для работы фабрик: «Водопады были для работы фабрики»¹⁵, «Нарвские водопады были когда-то самые мощные в Европе по количеству воды — с уступа обрушивалось 2000 кубометров воды в секунду»¹⁶ и др.;

- пленные немцы, участвовавшие в восстановлении: «После войны этот район восстанавливали пленные немцы, они перестраивали прежние частные дома в квартирные, очень качественно строили»¹⁷, «Эту улицу строили пленные немцы еще первой мировой войны»¹⁸, «В ВОВ был разрушен, потом восстановлен пленными немцами»¹⁹. Как мы видим, жители расходятся во мнениях, после какой именно из мировых войн пленные помогали восстанавливать квартал, однако сам образ довольно стоеч и характерен для ряда городов Северо-Запада России.

Таким образом, историческая память горожан относительно Парусинки в основном сводится к эпизоду основания квартала, личности основателя и к дореволюционной промышленной славе Парусинки: «Парусинка связана с именем барона Штиглица. Все что мы имеем, это его заслуга: развитие производства, музей. Парусинка — весь большой исторический объект»²⁰. Память о ВОВ, привязанная к этому месту, практически отсутствует, равно как и какие-либо события советской истории.

Гораздо больше, чем исторических сведений, у горожан оказалось личных воспоминаний о Парусинке, основанных на собственном опыте и опыте своей семьи (то есть память о «новейшей истории», по Хальбваксу). Их можно разделить на следующие смысловые блоки:

- учреждения, которые раньше были расположены на территории;
- водопад и река: созерцание водопада («смотрели, как дают сирену»²¹ ипускают воду»²², «Первый раз увидела запуск водопада (тог-

¹⁴Жен., 30–39 лет, первое поколение.

¹⁵Жен., 40–49 лет, четвертое поколение.

¹⁶Жен., 30–39 лет, третье поколение.

¹⁷Жен., 50–59 лет, второе поколение.

¹⁸Жен., 30–39 лет, второе поколение.

¹⁹Жен., 40–49 лет, второе поколение.

²⁰Жен., 50–59 лет, второе поколение.

²¹Водопады на р. Нарова с момента запуска ГЭС стали использоваться для сброса излишков воды, т. е. функционировали не постоянно, а в случайные, с точки зрения горожан, моменты. Для предупреждения о «запуске» водопада давалась сирена, чтобы никто не остался в сухом обычно русле. Сейчас данная предосторожность не используется — вероятно, по причине того, что русло р. Наровы является приграничной территорией, и вход на нее запрещен постоянно безотносительно «работы» водопадов, которые по-прежнему «включают» в зависимости от потребностей ГЭС, что является важным туристическим аттрактором для жителей близлежащих территорий (Кингисеппа, Сланцев).

²²Жен., 30–39 лет, второе поколение.

да мне было 5 или 6 лет). Это одно из самых ярких воспоминаний²³), исследование сухого русла, переход через реку к Кренгольмской мануфактуре по висячему мосту (ныне в руинированном состоянии, не используется);

- кипела жизнь: раньше это был многолюдный район, а сейчас он пришел в упадок; фабрика (Кренгольмская мануфактура), на которой в советские времена работали информанты или их старшие родственники, и связанные с этим сюжеты (например, выдача жилья от фабрики, хождение на работу через висячий мост и др.).

Таким образом, история Ивангорода для его жителей, в основном заселивших город не ранее конца 1940-х годов, оказывается в первую очередь «книжной», общероссийской, при этом воплощенной в городской среде, не связанной с повседневными практиками — об Иване III напоминает крепость, о Петре I — променад, которые оказываются «местами памяти».

Граница как преграда и приграничный статус оказываются ядром самовосприятия горожан. При этом частый для разделенных пополам городов мотив о соперничестве двух половин полностью вытесняется грустным мотивом «разделенных братьев», символизирующим для горожан крушение и катастрофу: наличие физической преграды (реки) вкупе с серьезной символической (государственной границей) не раззадоривает на соревнование, а печалит разорванностью.

Локальные нарративы концентрируются в основном в нецентральном районе: это эпоха процветания текстильной фабрики при ее основателе меценате Александре Штиглице, личные воспоминания горожан о послевоенной истории — работе на фабрике и взаимопроникновении двух городов — и ламентации о разрыве и постсоветской разрухе.

СВЕТОГОРСК

Светогорск²⁴ (бывш. Энсо, фин. Enso) — город на р. Вуокса на границе России и Финляндии в 6 км от финского города Иматра, с населением около 15 000 человек. Образовался в 1880-х годах вокруг первой в Финляндии картонно-бумажной фабрики (далее ЦБК), был спорной территорией между СССР и Финляндией во время Зимней, а после и Второй мировой войны, после чего отошел к СССР и был переименован в Светогорск (из-за наличия ГЭС). Население полностью сменилось с финского на советское. Историческая застройка (например, бывшая ратуша, ныне здание администрации) сохранилась фрагментарно и не выделяется из среды. Территорией под благоустройство была выбрана городская площадь у здания администрации — она не

²³Жен., 14–19 лет, второе поколение.

²⁴Не путать со Светлогорском Калининградской области. Автор приносит благодарность коллеге Георгию Медвинскому за обработку собранного материала по данному городу.

асфальтирована и даже не имеет отдельного названия. Расположение важных для горожан объектов см. на Илл. 5.

Илл. 5. План города Светогорск
Ill. 5. Plan of Svetogorsk Town

Семьи более половины респондентов живут в городе более двух поколений, из них 11,3% в течение четырех поколений: многие семьи живут в Светогорске с момента послевоенного заселения города, перешедшего к Советскому Союзу. Еще четверть респондентов ответила, что в городе живет два поколения их семьи, то есть как минимум такие семьи помнят советские времена.

На вопрос об истории города жители в первую очередь вспоминают, что раньше город был финским и назывался Энсо. О досоветской истории поселка распространяются гораздо меньше — только некоторые упоминают, что ЦБК и ГЭС были построены при финнах. Примечательно, что нарративы о ГЭС у светогорцев оказываются глубоко вторичными на фоне историй о ЦБК (в отличие от волховчан и подпорожцев, см. далее) и актуализируются в историческом контексте исчезающее редко. Гораздо важнее для горожан, что Энсо перешел к РСФСР после Советско-финской войны или после Второй мировой войны (здесь мнения расходятся), после чего был переименован в Светогорск и получил статус города. Советская история известна жителям гораздо подробнее: они выделяют очереди строительства и реконструкции комбината, постройку жилых и инфраструктурных объектов, в том числе в сотрудни-

чество с финской стороной: «модернизация комбината и строительство домов в городе в рамках сотрудничества с Финляндией (Кекконен и Косыгин)»²⁵. 1990-е годы связаны с приватизацией комбината заграничными инвесторами, а также с разрушением ряда важной для горожан инфраструктуры. Кроме того, многие жители выделяют современный этап, характерный открытием трансграничного перехода, давшего возможность ездить в близлежащий финский город Иматра.

Также в Новейшее время подвергся символический капитал светогорцев: поселение, получившее после войны новое, русское имя и статус города, теперь городской статус как бы потеряло: с 2006 года оно именуется «Светогорское городское поселение», что фрустрирует жителей: «Энсо – финская история, Светогорск – советская! Сейчас – в российское время – поселение, а не город! Обидно»²⁶.

В целом основные вехи перечисляют так:

Бывший поселок Финляндии, захваченный в процессе войны с этой страной. Реконструкция ЦБК, постройка многоквартирных домов и объектов соц. или спорт. назначения. Некоторые из них теперь недееспособны, типа трамплина²⁷.

Строительство бумажной фабрики. Строительство плотины. Отторжение территории в пользу СССР. Дальнейшее развитие ЦБК. Упадок 90-х. Объединение с Лесогорским. Открытие МПП [международного пункта пропуска]²⁸.

Важно упомянуть, что ряд респондентов в ответ на вопрос об истории города отдельно высказался, что такой вопрос неуместен, не нужен в опроснике про благоустройство и практически неприличен. Подобные ответы разово возникали во всех проведенных опросах, но сравнительно высокая их частотность для Светогорска подтверждает полевые ощущения исследователя того, что финское прошлое для российских жителей города как минимум проблематично: нет консенсуза, как относиться к этому факту (появление этого города на советской территории связано с дипломатическими скандалами и описывается самими жителями в терминах «захвата», «отторжения»), особенно на фоне современного разительного контраста инфраструктуры и уровня жизни в Светогорске и соседней финской Иматре, в которую горожане часто ездят отдыхать.

В числе наиболее важных для города людей лидерами оказались следующие (в порядке убывания частотности):

- пограничник А. Д. Гарькавый,
- старший тренер дома спорта А. Г. Дибривный,
- руководитель музея Л. Ф. Лисова – «хранитель истории города»,
- бывший мэр Светогорска конца 1990-х Н. М. Пермяков,

²⁵ Муж., 30–39 лет, первое поколение. Здесь и далее в разделе цитаты даны по опросу «Светогорск, Центральная площадь» (сентябрь 2020 года, N=661).

²⁶ Жен., 60–69 лет, второе поколение.

²⁷ Муж., 50–59 лет, третье поколение.

²⁸ Муж., 50–59 лет, второе поколение.

- советский писатель и местный пограничник Л. В. Канторович,
- пограничник А. Коробицын,
- председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин — сооснователь очереди ЦБК, участник советско-финского сотрудничества 1970-х годов,
- основатели города и ЦБК Карл Август Стандершкёльд и его сын Ади Стандершкёльд.

Также среди упомянутых жителями — руководители ЦБК разных периодов, директор школы И. Н. Думаво, футболист «Зенита» Александр Кержаков, игравший в юности за команду «Светогорец», заслуженные тренеры Виктор Пестов²⁹ и Михаил Рассадников, историк А. А. Осмаков, участница ВОВ и инженер-технолог Д. Н. Ковалева и другие деятели городского масштаба.

Как мы видим, ядро значимых людей включает в себя в первую очередь либо предвоенных пограничников, имена которых символически воплощены в пространстве названиями улиц, либо современников, приносящих пользу жителям города (особенно спортсменов). Основатели Светогорска — почти единственные представители финского периода в этом списке; кроме того, они находятся далеко не на первом месте, а написание их фамилий регулярно искажается. При этом примечательно, что в топ персоналий попали два представителя историко-краеведческой сферы: по-видимому, запрос на историческую идентичность у горожан все же есть, но он оказывается делегирован профессионалам.

Что касается первых ассоциаций со Светогорском, горожане дают следующие ответы (*Илл. 6*).

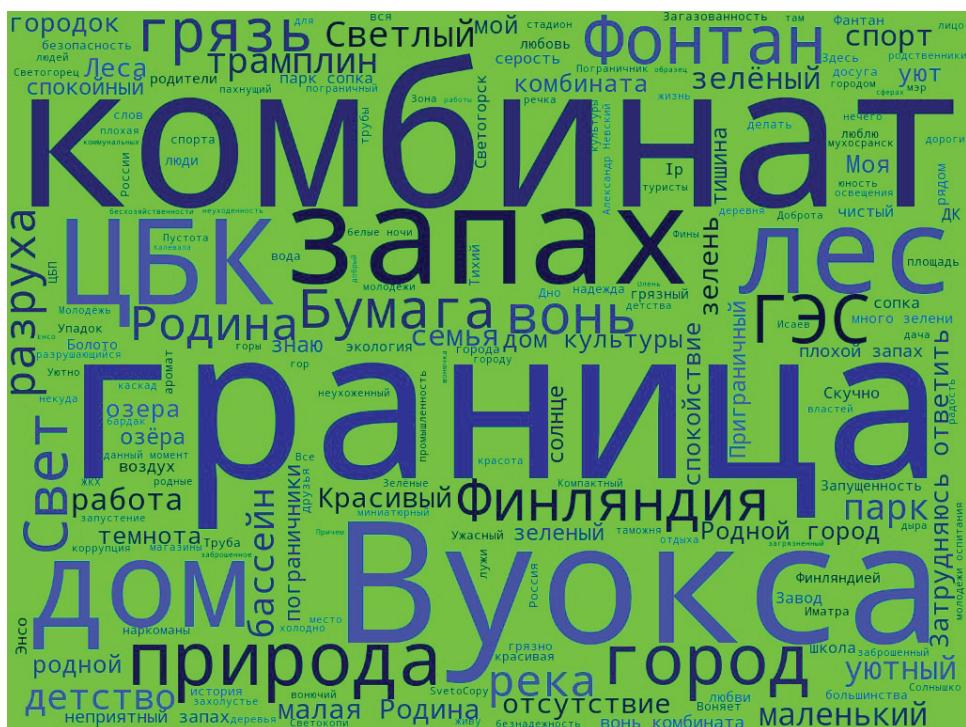
Хорошо заметны четыре семантических кластера:

- граница: «граница», «Финляндия», «Энсо»;
- промышленность и связанные с ней аспекты: «комбинат», «ЦБК», «ГЭС», «бумага», « завод». Отдельно горожане обращают внимание на заводские выбросы, которые действительно пронизывают весь город, что было выяснено на полевом выезде («запах», «вонь»);
- природа: «Вуокса», «природа», «лес», «река», «озеро»;
- образ дома и малой родины: «родной», «городок», «город», «родина», «светлый», «спокойный».

Таким образом, из общих ассоциативных ответов вырисовывается образ города на государственной границе с доминантой природного аспекта и важным градообразующим предприятием, которое, по мнению горожан, не отличается благоприятными экологическими характеристиками. Кластер «малая родина» выделяется практически у всех рассмотренных городов и большого интереса не представляет, а вот сюжет со связкой «комбинат — вонь»³⁰ может оказаться продуктивным.

²⁹ Годом ранее проведенного опроса, осенью 2019 года, Пестов был осужден за насилиственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего. Тем не менее, он все равно попал в список важных людей города — либо эта история была неизвестна респондентам, либо они не ощущали его виновным, либо его тренерские заслуги перекрывали в глазах горожан его преступление.

³⁰ Примечательно, что администрация г. Светогорска настаивала на исключении этого аспекта из отчетного документа, однако исследователям удалось настоять на сохранении корректных

Илл. 6. Светогорск, ответ на вопрос «Назовите 3 первых ассоциации со Светогорском»
Ill. 6. Svetogorsk – response to the question “Name 3 first associations with Svetogorsk”

Наши результаты по Ленинградской области показывают, что горожане питают добрые чувства к промышленным объектам на территории своего города в том случае, если данный объект входит в ядро идентичности жителей, имеет большой символический капитал (т. е. по какой-то причине горожане чувствуют гордость и повышение престижа) и вызывает чувство приверженности, чувство «своего» (см. далее кейсы Сясьстроя и Волхова). В таких случаях горожане готовы простить индустриальному объекту многое, включая вред экологии и здоровью людей.

В случае Светогорска ситуация противоречивая: главный объект для жителей — явно ЦБК, но город назван по наличию ГЭС, которая, как мы видим, не отличается популярностью. Самое же важное в этом противоречии то, что ЦБК, который в советские времена был несомненно «своим» (многие жители строили очереди комбината и работали на нем), в 1990-е годы перешел под контроль шведской компании Tetralaval, а сейчас и под американское управление, и сменил название (сейчас он носит одновременно два, International paper и «Светогорский ЦБК»), в связи с чем перестал восприниматься достаточно «своим». Вероятно, в том числе этот болезненный для горожан разрыв

данных, апеллируя к открытому статусу документа, который могут прочитать жители и закономерно удивиться, не найдя в отчете своих ответов, что, в свою очередь, может привести к конфликту горожан с администрацией на почве фальсификации данных.

обратил их внимание на запах, который они, возможно, не замечали бы, останься завод полностью отечественным.

Уникальность Светогорска жители описали следующим образом (Илл. 7).

Илл. 7. Светогорск, ответ на вопрос «В чем уникальность Светогорска?»
Ill. 7. Svetogorsk – response to the question “What makes Svetogorsk special?”

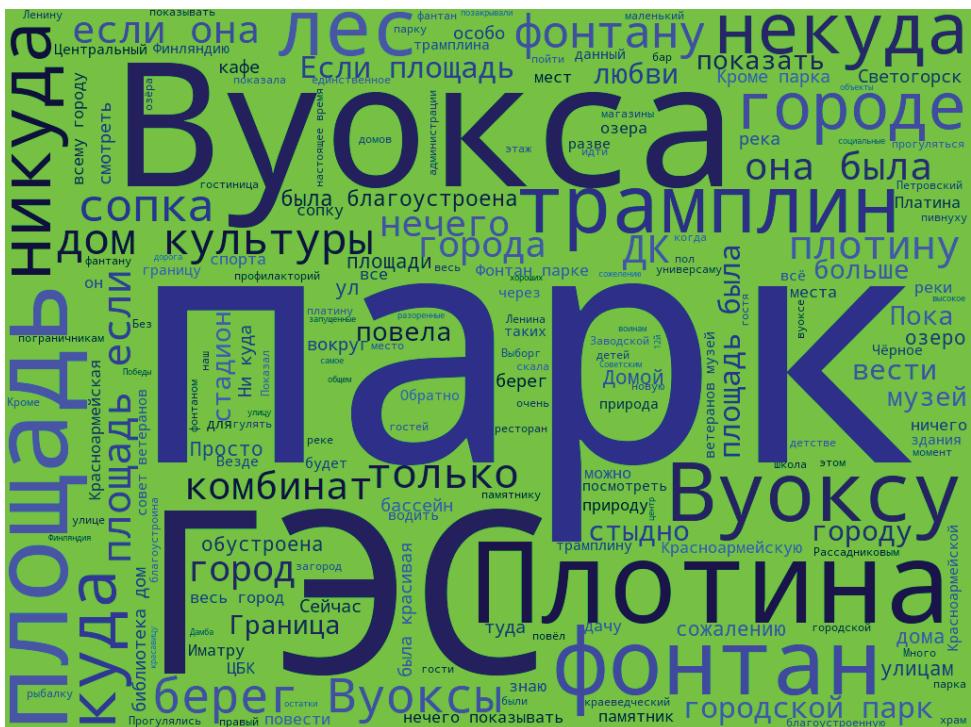
Здесь из трех смысловых доминант фактически остается одна — это приграничный город рядом с Финляндией. Остается признак размера (*маленький, компактный, городок*), не уходит полностью ЦБК — но факт приграничности абсолютно доминирует. При этом оказывается важным, что за страна находится по ту сторону границы: Финляндия артикулирована у светогорцев гораздо отчетливее, чем Эстония у ивангородцев.

К слову, факт приграничного статуса города важен не только тем, что оттуда легко и быстро можно попасть в Финляндию (до пандемии жители часто ездили³¹ в Иматру на велосипедах, поскольку расстояние между городами менее 10 км, и это действительно уникально для русско-финской границы, которую петербуржцы обычно переходят на автомобильном пропускном пункте «Брусничное» под Выборгом), но и тем, что не имеющим светогорской прописки гражданам сложно попасть в город: для этого требуется либо открытая виза, либо письмен-

³¹ Сейчас, пожалуй, все трансграничные практики в Ленинградской области стоит упоминать в прошедшем времени.

ное приглашение от «законных» обитателей города. То же касается и Ивангорода, но в его случае легитимной причиной посещения может являться туризм (ивангородское турбюро может оформить пропуск), тогда как объяснить постовым на въезде в Светогорск, зачем едешь в город без загранпаспорта, весьма затруднительно.

На ментальную карту репрезентативных достопримечательностей Светогорска попадают следующие объекты (Илл. 8).

*Илл. 8. Светогорск, ответ на вопрос «Куда бы вы повели иногороднего гостя?»
III. 8. Svetogorsk – response to the question “Where would you take a non-local guest?”*

Как мы видим, лидируют парк (в отличие от Сясьстроя и Подпорожья, это действительно городской парк, а не густой сосновый лес в центре города) и другие объекты: ГЭС, Вуокса, фонтан, плотина, трамплин, лес. Из схемы следует, что ГЭС/плотина оказывается гораздо важнее в роли зрелищного объекта, нежели в роли ядра восприятия города. На это распределение также влияет тот фактор, что парк является одним из наиболее благоустроенных общественных пространств. При этом важно, что, согласно ответам респондентов, им есть с чем сравнить свой город: подавляющее большинство часто посещало Финляндию до пандемии и закрытия границ.

Есть в этом списке и главная площадь города — безымянная площадь с грунтовым покрытием, еще при финнах служившая ярмарочной. Чаще всего горожане характеризовали ее как «пустырь», причем как с точки зрения топографии, так и с точки зрения истории: «Время

стерло историю»³². Все, что горожане могли о ней сказать, относится скорее к личным или семейным воспоминаниям или является исторической памятью, по Хальбваксу [Хальбвакс 2005]: парады, демонстрации, различные официальные праздники; собственные выступления с трибуны или сцены, воспоминания об организованных развлекательных мероприятиях; новогодние гуляния, ярмарки, детский городок; факт ее благоустройства стройотрядовцами в 1980-е годы.

Здесь проявляется мотив, который уже встречался нам в Ивангороде и встретится еще во всех остальных городах — мотив славного прошлого и «разрухи» в настоящем. В ответах жители подчеркивают, что в советские времена это был символический центр города («парады», «трибуна», «праздники»), некоторые вспоминают финские довоенные ярмарки, а сейчас — «ничего»:

У финнов на ней были ярмарки, в советское время демонстрации и митинги 7 ноября и 1 мая, сейчас пустырь³³.

Воспоминания хорошие, была и детская площадка и елка зимой, горки снежные и деревянные, гуляния в новогодние дни.. а сейчас пустота!!!³⁴

Получается, что Светогорск сейчас — это город со «стертым центром»: вместо центральной площади, регулярно подтверждающей групповую принадлежность жителей — пустырь, вместо исторической памяти — несколько конфузная история с переразделом границ во времена после Финской и Великой Отечественной войны («этнический компонент» живших здесь ранее финнов до сих пор не приветствуется в официальном дискурсе города), вместо всецело «своего» ЦБК, которым можно гордиться — уже не очень «свое» предприятие, которое портит в городе воздух. Остаются только герои-пограничники и местные деятели, на которых можно опереться, и соседняя страна, воплощенная в близлежащем городе, от которой удобно отстраивать восприятие себя.

Города Южного Приладожья и Присвирья

Новая Ладога

Новая Ладога — город у впадения р. Волхов в Ладожское озеро, с населением около 8 000 человек. Он отличается от почти всех остальных в нашей выборке: он и самый маленький, и сохранность исторической застройки в центре у него значительная, и давность проживания семейств в городе гораздо больше, чем в остальных рассматриваемых городах, заселенных в разные периоды советской власти (около

³²Жен., 50–59 лет, первое поколение.

³³Жен., 50–59 лет, четвертое поколение.

³⁴Жен., 20–29 лет, третье поколение.

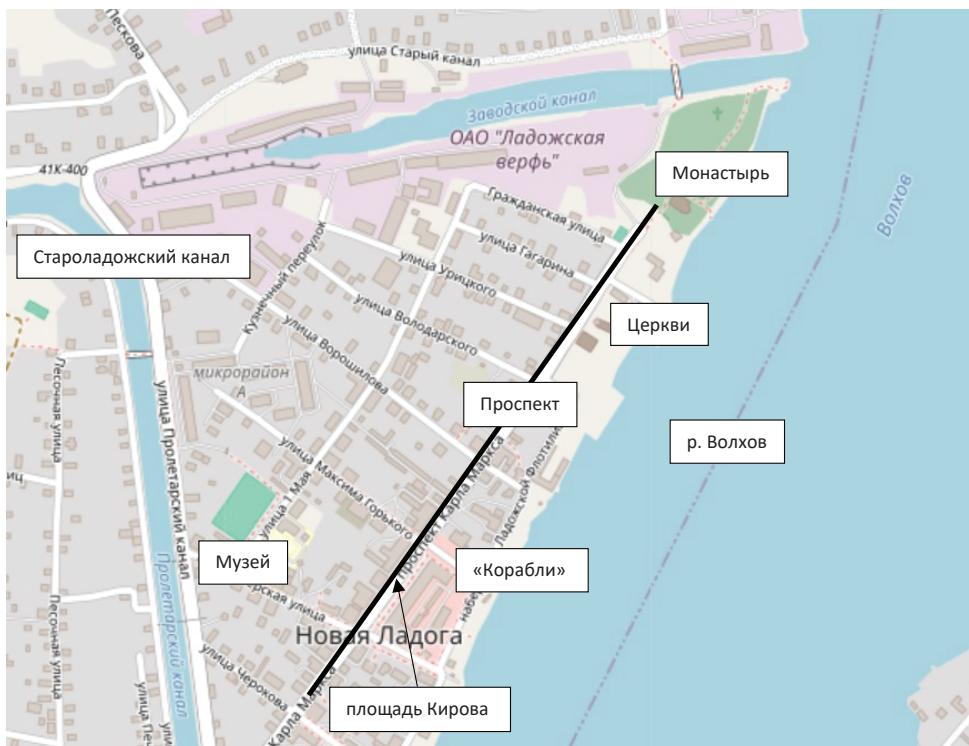
трети опрошенных семей живет в Новой Ладоге с дореволюционных времен). Также примечательно, что в опросе поучаствовало некоторое количество респондентов, переехавших из Новой Ладоги, но сохраняющих с ней связь и желающих влиять на ее благоустройство.

Илл. 9. Общий план Новой Ладоги
Ill. 9. General plan of Novaya Ladoga

Новая Ладога как поселение была заложена Петром I в 1704 году в противовес находящемуся выше по течению Волхова средневековому поселению Ладога, которая после появления Новой стала называться Старой. Город поставили под стенами находившегося недалеко от устья Волхова Николо-Медведского монастыря (его собор сохранился до наших дней, замыкает центральный проспект). В городе основали судостроительную верфь, а вдоль южного берега Ладожского озера по указу Петра прорыли судоходный канал (Петровский), чтобы уберечь корабли от прихотливой ладожской погоды. Через 150 лет параллельно ему пророют следующий, более широкий и современный канал, и они получат названия Старо- и Новоладожского (сейчас существуют оба, хотя Староладожский уже давно не судоходный). Расположение Новой Ладоги относительно водных артерий см. на Илл. 9. В XIX веке Старая Ладога была купеческим уездным городом, а после революции наиболее примечательна ее роль в поддержке сообщения с блокадным Ленинградом — установка так называемой Дороги жизни.

План центра Новой Ладоги с важными для горожан объектами см. на *Ил. 10.*

Илл. 10. Центр Новой Ладоги
Ill. 10. Center of Novaya Ladoga

Поскольку Новая Ладога — один из немногих городов нашей выборки, основанный задолго до СССР и сохранивший часть исторической застройки, история — это главный социальный капитал города в отсутствие доминантных градообразующих предприятий. Жители Новой Ладоги выделяли в истории города гораздо более разнообразные периоды, чем в других местах. Так, наиболее актуализированными являются следующие эпизоды и связанные с ними места (в порядке убывания частотности):

- Ладога в период ВОВ, Ладожская флотилия и Дорога жизни, адмирал Чероков;
  - 1704 (год основания, рождение города, указ Петра I), строительство судоверфи;
  - Суворов, екатерининская эпоха, размещение Сузdalского полка;
  - 1719, 1861 годы, строительство каналов;
  - разруха 1990-х, перестройка, гибель исторических памятников в наше время;
  - купечество, экономический расцвет, золотая пора, процветание, уездный город;

- развитие в поствоенний индустриальный период;
- Николо-Медведский монастырь, допетровская история;
- довоенный советский период, судоремонтный завод, колхоз Калинина.

Кроме разнообразия, история Новой Ладоги гораздо явственнее *персонализирована*: в свернутом виде для жителей она укладывается в трехчастную формулу «Новая Ладога – город трех эпох (Петр I, Суворов, Чероков)». Три эпохи, три века тоже очень важны: это отсылка к «большому брату», Петербургу, родившемуся по воле того же человека годом раньше.

Итак, за первой эпохой с лицом Петра стоит основание города, строительство судоверфи (ради которой город, собственно, и был основан) и строительство первого, Петровского (позже Староладожского) канала. К слову, к тому моменту в окрестностях уже существовали верфи на р. Сясь и р. Свирь, однако современные жители этих территорий по-разному обращаются с таким наследием: например, Сясьстрой почти не помнит о своей верфи, поскольку у него есть более актуальный сюжет с «первоЦБК», о чем см. далее, а Лодейное Поле, наоборот, старается оправдывать свое название и апеллирует к петровской истории и судостроению. Примечательно также, что одна часть респондентов знала о значительном временному расстоянии между строительством старого и нового каналов и даже зачастую приводила годы, а другая уверена, что Петр построил сразу два канала.

Вторая эпоха – екатерининская: с ней связан излюбленный в городе сюжет о том, как в Новой Ладоге был расквартирован Сузdalский пехотный полк под командованием полковника А. В. Суворова. Также стоит отметить, что полк имел отношение и к соседним Сясьским рядкам, и этот сюжет в Сясьстрое также существует, однако скорее в «демонстрационном» варианте локальной истории.

Наконец, подвиг периода Великой Отечественной войны и снабжение блокадного Ленинграда продовольствием и боеприпасами по льду Ладоги зимой (известный не только в Приладожье, но и в Петербурге сюжет так называемой Дороги жизни) и маломерными речными баржами летом – самая актуализированная страница истории города.

Эпоха Петра I (строительство 2х каналов), Ладога православная (до революции было 7 храмов)³⁵.

Прибывание в НЛ Сузdalского полка под командованием А. В. Суворова. В годы ВОВ–дорога жизни, Наш город–город Воин³⁶.

Стоит отметить, что все три упомянутые эпохи имеют физическое воплощение в городе и вполне осозаемые места памяти: ВОВ обширно представлена на параллельной главному проспекту набережной

³⁵ Жен., 70+ лет, первое поколение. Здесь и далее до конца раздела цитаты приведены по опросу «Новая Ладога, пр. Карла Маркса» (апрель 2020 года, N=333).

³⁶ Жен., 70+ лет, третье поколение.

Ладожской Флотилии — как самим этим названием и перпендикулярной ей улицей Черокова, так и рядом военных мемориалов вдоль Волхова, включая поставленный на сушу военный тральщик и бусирный пароход; о Петре напоминает и само устройство центра города — два проспекта вдоль Волхова с перпендикулярными улицами, и Староладожский канал, и бюст императора у моста через этот канал; о Суворове — его бюст на центральном проспекте, а также сохранившиеся казармы Сузdalского полка и здание офицерского собрания.

При этом, в отличие от остальных рассматриваемых городов, «золотой век» приписывается не советскому периоду, а некой вневременной дореволюционной «купеческой Ладоге». Лицезреть ее также можно в самом центре: вдоль главного проспекта идут купеческие особняки конца XIX века, а в конце проспекта расположены церкви, построенные на деньги местных меценатов, и историческое кладбище под стенами бывшего монастыря.

Также в теме про историю горожане часто жалуются на упадок города после раз渲ла СССР, особенно на исчезновение исторических зданий в последние десятилетия (в городе распространена не только кирпичная, но и деревянная историческая застройка, которая в последние годы часто горит, и горожане подозревают, что не сама по себе):

1) Николо-Медведский монастырь , 2) эпоха Петра 1 (зарождение) , 3) эпоха Екатерины (процветание) , 4) ВОВ (ладожская флотилия , дорога жизни) ,5) послевоенное поднятие производств , 6) времена до перестройки(строительство пятиэтажек и работа всех предприятий), 7) период до 2000-х разворовывание всего , 8) СЕГОДНЯ- попытка что- то воссоздать!!!!?³⁷

Основание и становление, расцвет купечества, ВОВ,- подвиг города. И к сожалению постепенное превращение в забытый провинциальный город³⁸.

Храмы, строительство каналов, Суворов, блокада и постепенная разруха³⁹.

Купечество, Великая отечественная война, современная разруха⁴⁰.

1. Основание города. 2. Пребывание Сузdalского полка Суворова. 3. Война, главная база Ладожской флотилии 4. 2014-2020 Упадок и гибель исторических памятников⁴¹.

Основание Петром первым, Суворовский полк, судоходные каналы, Дорога жизни и Ладожская флотилия, разруха и затопление⁴².

Что касается персонажей, самыми важными для города людьми ладожане назвали следующих (в порядке убывания):

• А. В. Суворов,

³⁷ Муж., 40–49 лет, переехавший из Новой Ладоги.

³⁸ Жен., 50–59 лет, первое поколение.

³⁹ Жен., 40–49 лет, третье поколение.

⁴⁰ Жен., 40–49 лет, второе поколение.

⁴¹ Муж., 40–49 лет, второе поколение.

⁴² Муж., 40–49 лет, первое поколение.

- Петр I,
- В. С. Чероков, адмирал, командующий Ладожской флотилией,
- Екатерина II,
- О. П. Крылов, на протяжении 40 лет руководитель комбината «Волховхлеб»,
- А. Н. Суханов, герой войны и бессменный председатель рыболовецкого колхоза им. Калинина,
- купцы-меценаты, купечество,
- С. М. Киров, первый секретарь Ленинградского губкома ВКП(б),
- Н. Ф. Кулагин, купец и меценат, и его семья.

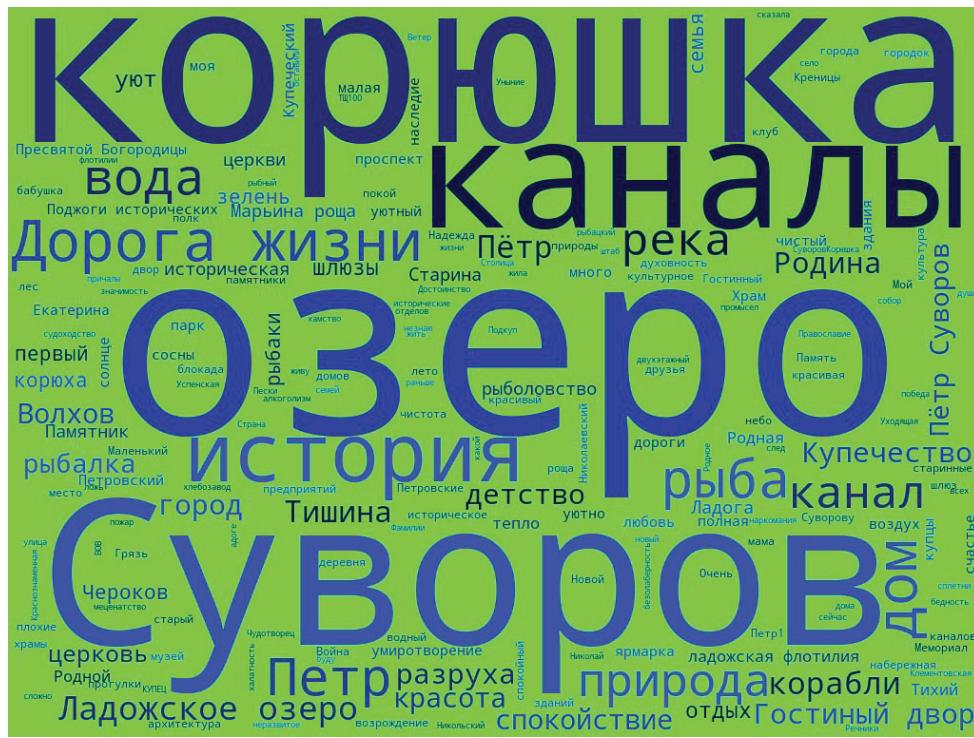
Как мы видим, абсолютные лидеры списка — три персоны общероссийского значения, которые при этом имеют прямое отношение к городу и представляют собой три основные эпохи жизни города на внутренней исторической карте жителей. Любые другие деятели собирают не более пары десятков упоминаний. Среди них есть как другие «общероссийские» личности (Екатерина II, С. М. Киров), так и деятели местного значения, так или иначе послужившие на благо города.

При этом ни Екатерина II, ни Киров не имеют настолько прямого отношения к городу, как три первых личности, а кроме того, Киров гораздо менее значим для Новой Ладоги, нежели чем для Сясьстроя и Волхова, для которых он функционально является героем-демиургом (в Новой Ладоге эта функция закреплена за Петром I). Возможно, первый секретарь Ленинградского губкома не забыт горожанами из-за того, что связанное с ним место памяти оказывается в наиболее символически нагруженной локации: центральная площадь посередине главного проспекта носит его имя, и там же находится памятник ему. Примечательно, что существует городской нарратив о том, что Киров сейчас стоит на постаменте бесследно утраченного после революции памятника Александру II (который тоже возникает в воспоминаниях горожан, но в единичных случаях).

Для понимания внутреннего «портрета» города обратимся к вопросу о трех ассоциациях (Илл. 11).

Как видно из схемы, ядро самовосприятия у горожан водное: озеро (естественно, Ладожское, но либо это настолько самоочевидно для жителей, что не требует уточнений, либо таким образом респонденты избегали омонимии Ладоги-озера и Ладоги-города), каналы, корюшка — традиционная местная рыбка. Полевая работа также свидетельствует о различных водных практиках ладожан: например, в городе существует школьный яхт-клуб, через который в детстве прошли многие горожане, и парусный опыт является объединяющим совместным переживанием.

Любопытно, что при этом некоторым респондентам доступа к воде не хватает: «Кругом вода, но выходов к ней почти нет». Скорее всего, это относится к подходам к самому Ладожскому озеру: оно оказывается фактически отрезано от города каналами, и попасть в него можно либо по воде через устье Волхова, либо через разводной понтонный мост через Новоладожский канал (поскольку канал по-прежнему судоходный, стационарных мостов через него почти нет на всем его протяжении).

*Илл. 11. Новая Ладога, вопрос «Назовите 3 первых ассоциации с Новой Ладогой»
Ill. 11. Novaya Ladoga — response to the question “Name 3 first associations with
Novaya Ladoga”*

Остальные доминирующие кластеры воспроизводят важные для горожан исторические мотивы – Суворов, Петр I, Дорога жизни.

Уникальность Новой Ладоги жители практически безвариантно видят в ее истории (иногда в сочетании с природой, тишиной, необычным географическим положением). Смысловые блоки этой безоговорочной исторической ценности можно выделить следующие⁴³:

- купеческий уездный город, «законсервировавший» ушедшую эпоху и поэтому не имеющий аналогов. В подобных нарративах часто возникает мотив «необходимо сохранять и восстанавливать»:

Это сохранившийся вид и дух уездного города Российской Империи⁴⁴.

В Ладоге жизнь течет по законам 19-го века именно в ее *самобытности* ее ценность⁴⁵.

⁴³Что характерно, все эти мотивы исследователь услышал еще при первом знакомстве с городской администрацией – нечестный случай общности дискурсивного поля (как правило, представления о городе у его администрации и жителей в какой-то степени расходятся, иногда довольно значительно). Возможно, на это повлияли в том числе небольшой, «концентрированный» размер города и местное происхождение сотрудников администрации.

⁴⁴ Жен., 50–59 лет, второе поколение.

⁴⁵ Жен., 50–59 лет, третье поколение.

Город сохранил стиль и образ жизни 200 летней давности. Такого нигде нет⁴⁶.

Единственный в области город, сохранивший ансамбль и ауру старинной купеческой улицы⁴⁷.

Это хорошо сохранившийся купеческий город со своей уникальной историей, которую нужно сохранить, а иначе её мы можем утерять безвозвратно⁴⁸.

Новая Ладога -старый купеческий город, который может потерять свою уникальность. Исторические здания ветшают, они горят и рушатся. Кафешки, киоски с сувенирами и магазины—не то ради чего поедут туристы. Нужно восстанавливать исторический облик города⁴⁹.

В Новой Ладоге, можно сказать, собраны (были) старинные дома, церкви, но всё пришло в упадок, в разруху. Уникальность и в тоже самое время отличие Новой Ладоги от других городов в её людях – они ЛЮБЯТ свой разрушающийся город!⁵⁰

• ансамблевость застройки, визуальное единство среды, что подспудно апеллирует к «старшему брату» – Петербургу, на который ладожане часто оглядываются. Важный пункт эксплицитного сравнения с Петербургом – «города-рөвесники» (Новая Ладога основана на год позже Петербурга):

Город-музей под открытым небом, уютный, зелёный, тихий, небольшой⁵¹.

Новая Ладога являлась музеем под открытым небом. В ней даже на сегодняшний день сохранились дома, построенные в разные исторические эпохи⁵².

Это единственный старинный русский город в Ленобласти, в котором сохранился исторический центр как ансамбль, а не отдельные дома. Здесь можно погрузиться в 19 век в лучшем смысле слова. В этом Новая Ладога похожа на Петербург, и это ее качества надо охранять так же строго, как это делают в Петербурге⁵³.

Город основан Петром 1, наш город рөвесник Санкт Петербургу⁵⁴.

Примечательно, что в этом вопросе практически не возникала тема конкретных исторических эпох или персоналий: все высказывания апеллируют либо к текущему визуальному облику города (ансамблевое сочетание множества старинных зданий), либо к статусному сравнению с Петербургом, либо к тому и другому сразу. Исходя из нашего метаисследования, горожан в целом можно понять: в Волховском районе действительно больше нет исторических городов этой эпохи в хорошей сохранности, а Староладожская крепость относится к перио-

⁴⁶ Жен., 40–49 лет, третье поколение.

⁴⁷ Муж., 40–49 лет, переехал из Новой Ладоги.

⁴⁸ Муж., 20–29 лет, переехал из Новой Ладоги.

⁴⁹ Жен., 30–39 лет, третье поколение.

⁵⁰ Муж., 60–69 лет, переехал из Новой Ладоги.

⁵¹ Жен., 40–49 лет, четвертое или более поколение.

⁵² Жен., 40–49 лет, третье поколение.

⁵³ Жен., 40–49 лет, переехала из Новой Ладоги.

⁵⁴ Жен., 60–69 лет, первое поколение.

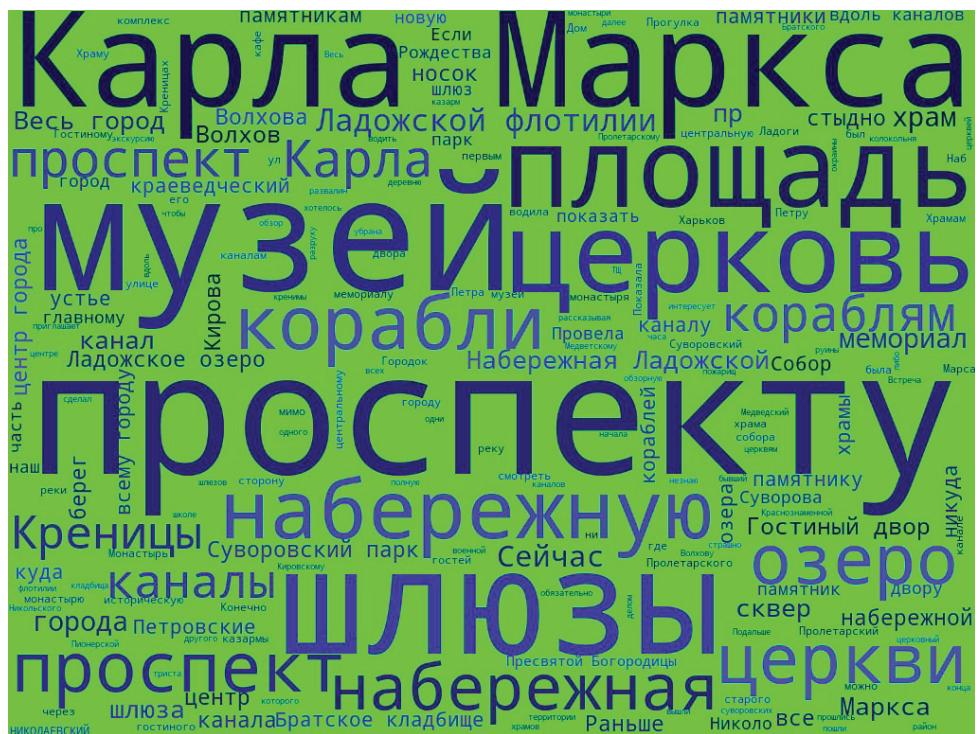
ду Древней Руси. Поэтому получается, что ближайший игрок на поле «исторической статусности» — это Петербург, сравнение с которым автоматически повышает престиж города в глазах жителей. Важным оказывается и то, что параметров общности сразу несколько: один возраст, один отец-основатель всероссийской величины, сходный тип застройки (пускай и несопоставимого масштаба).

Также любопытно, что во всем опросе ни разу не встречается упоминаний Старой Ладоги, горожане никак не комментируют, почему их Ладога — Новая. Несмотря на то, что Новая Ладога фактически борется со Старой за внимание туристов (и проигрывает), Старая Ладога оказывается вычеркнута из дискурсивного поля новоладожцев. Почти то же самое происходит со Старой Ладогой и в глазах ее ближайшего соседа — города Волхова (см. далее).

Для Новой Ладоги характерно еще одно значимое отсутствие. В отличие от большинства других рассмотренных здесь городов, Новая Ладога никогда не сомневалась в собственном статусе города. Вероятно, этому способствовало ее появление не путем хаотического роста из деревни или поселка, а волей императора по четкому геометрическому плану. Поэтому ни размер (самый маленький из рассмотренных), ни официальное наименование «Новоладожское городское поселение», ни отсутствие крупных производств, ни отсутствие фонтана (все то, что заставляет ее соседей сомневаться в своем городском статусе) не смущает горожан — у них был герб, каменное строительство и статус уездного города задолго до возникновения на карте большинства соседних населенных пунктов. Кроме того, нахождение в одном символическом поле сравнения с Петербургом, вероятно, поднимает Новую Ладогу в глазах жителей над всеми этими более «приземленными» доказательствами городского статуса.

Еще видно, что практически ни в каком контексте в ответах горожан не появляются никакие производственные объекты, хотя в городе они существуют (кроме, косвенно, «Волховхлеба» и рыболовецкого колхоза, чьи бессменные главы оказались в ряду наиболее важных для города людей). Исторически Новая Ладога возникла, как мы бы сейчас сказали, именно как индустриальный поселок: основным объектом была верфь, а основной задачей — обеспечение водной коммуникации (канал, шлюзы). В Великую Отечественную войну верфь была единственной на Ладоге ремонтировавшей суда Северо-Западного пароходства и Ладожской военной флотилии, сражавшихся за Ленинград — но флотилия есть в памяти горожан, причем на доминирующих позициях, а верфи нет. Примечательно, что верфь (правда, уже скорее судоремонтная, нежели судостроительная) функционирует и сейчас. Однако престиж исторического города с сохранной застройкой полностью «перекрывает» для жителей любой другой, в том числе престиж индустриальный. Это разительно отличает Новую Ладогу от всех остальных рассмотренных здесь городов (хотя для Ивангорода его промышленная слава — тоже, некоторым образом, исторический сюжет).

Значимость достопримечательностей Новой Ладоги глазами горожан выглядит следующим образом (Илл. 12).

Илл. 12. Новая Ладога, вопрос «Куда бы вы повели иногороднего гостя?»
Ill. 12. Novaya Ladoga — response to the question “Where would you take a non-local guest?”

Абсолютное большинство ответов группируется вокруг центрального проспекта — обычно его называют текущим названием Карла Маркса, но некоторые пытаются возрождать традицию звать его Николаевским. Жители называли как проспект в целом, так и конкретные его части — церкви, стоящие в конце проспекта (он замыкается комплексом допетровского монастыря, а по дороге к нему расположено еще несколько церквей), центральная площадь (ныне площадь Кирова), на которой стоит здание гостиного двора (ныне закрыто, в советский период использовалось по назначению) и памятник Кирову. Непосредственно к проспекту примыкают два других кластера — краеведческий музей с одной стороны и недавно отремонтированная набережная Волхова с памятниками бойцам Ладожской флотилии с другой («корабли»). Встречаются также территории, не связанные напрямую с проспектом: это шлюзы на канале, сами каналы, устье Волхова («носок»), деревня Креницы (почти единственный в округе выход к Ладожскому озеру). Примечательно, что ряд респондентов не просто перечисляет достопримечательности, а описывает маршрут, по которому повели бы гостей: «От центра города и несколько маршрутов: шлюза-братьское кладбище, центр-набережная-церковь, центр-

Ладожское озеро-носок»⁵⁵. При этом многие, особенно старожилы, сокрушаются о текущем состоянии достопримечательностей: «в разруху гостей не приглашают»⁵⁶, «теперь уже никуда, смотреть страшно»⁵⁷, «Сейчас мне стыдно за город. Я повел бы их на рыбалку»⁵⁸ и т. д.

Итак, Новая Ладога принципиально отличается от остальных рассматриваемых городов Ленобласти по ряду параметров и гораздо больше похожа на прототипическое поле для исследований исторической памяти — удовлетворительно сохранная историческая застройка, компактный размер, достаточная провинциальность (что способствует сохранению «ядра» коренных семей и отсутствию массовой приточной миграции), хорошая осведомленность жителей о «славном прошлом» и глубокая приверженность их к родному городу дают нам классическую картину богатого локального текста. Самоощущение ладожан строится на трех вехах истории («Петр–Суворов–ВОВ»), сравнении с Петербургом, ценности «остановившегося времени» купеческого городка и застройки, которая его представляет — фактически весь центр является совокупностью мест памяти. Поэтому для горожан тем большее видеть современное состояние большинства исторических зданий: это не просто сожаление о недостаточно эстетичной городской среде — это ощущение угрозы центральному элементу городской идентичности.

Сясьстрой

Сясьстрой — город с населением порядка 12 000 человек на р. Сясь: второй от Невы после Волхова реки, впадающей с юга в Ладожского озера. Сясьстрой основан как рабочий поселок при Сясьском целлюлозно-бумажном комбинате в 1927 году. Историческое поселение к северу от центра Сясьстроя — деревня Сясьские рядки (ныне в черте города), омываемая с севера судоходными каналами, построенными частью при Петре I, частью в XIX веке для упрощения судоходства по неспокойному Ладожскому озеру. Дореволюционная застройка почти не сохранилась, из наиболее старой застройки — деревянные рабочие бараки 1920-х годов, периода основания комбината. План Сясьстроя см. на Илл. 13.

Вопрос о давности проживания семьи в городе показал, что семьи примерно трети респондентов живут в городе четыре поколения и более, а еще 40% — начиная с бабушек и дедушек, т. е. получается, что многие семьи живут в Сясьстрое с момента строительства комбината и заселения рабочего поселка.

В восприятии жителями истории города наиболее актуализированным оказывается сюжет строительства в 1927 году «первенца цел-

⁵⁵ Жен., 50–59 лет, третье поколение.

⁵⁶ Жен., 50–59 лет, четвертое или более поколение.

⁵⁷ Жен., 70+ лет, четвертое или более поколение.

⁵⁸ Муж., 50–59 лет, второе поколение.

люлозно-бумажной промышленности СССР», Сясьского комбината, и возникновения вокруг него рабочего поселка — «поселка бумажников». Также заметная часть респондентов отмечает, что на месте Сясьстроя до строительства комбината находилась деревня Носок (правда, есть предположение, что ряд респондентов ответили на этот вопрос, скопировав первую строку из соответствующего раздела «Википедии», и деревня Носок на самом деле не является настолько распространенным знанием об истории города). Еще ряд респондентов упоминает роль Сясьстроя в Великой Отечественной войне: героев-фронтовиков, проживавших в городе, Дорогу жизни, выпуск комбинатом боеприпасов.

Илл. 13. План города Сясьстрой

Ill. 13. Plan of Syasstroy Town

Гораздо менее актуализированной оказывается история «до комбината»: некоторые респонденты упоминают историческую деревню Сясьские рядки, которая теперь входит в черту города; судоверфь, рыбаков и расквартированный в Сясьских рядках полк Суворова. Также некоторые вспоминают об этимологии, связывая название «Сясь» с «комариным местом», «комариным краем».

Что интересно, «докомбинатная» (и вообще дореволюционная) история оказывается гораздо актуальнее для практик саморепрезентации «чужому», чем для собственного восприятия своей истории. Это может быть связано с тем, что «старая» история кажется жителям важным «экспортным» дискурсом, тогда как для собственного употребления гораздо важнее та часть истории, которая связана с историей семьи [см. Хальбвакс 2005] — а последняя, в свою очередь, связана именно с появлением комбината.

Что касается важных для города людей, наиболее популярными ответами оказались:

- местные уроженцы, герои ВОВ Петр Лавров и В. А. Голубев;
- Жорес Алферов, проживавший со своей семьей в Сясьстрое, когда его отец работал директором ЦБК;
- В. А. Маслов, местный уроженец, скульптор, увековечивший многих известных земляков.

Также респонденты упоминали следующих лиц:

- строители и директора ЦБК: М. А. Деревянкин, руководитель стройки молодого города и его градообразующего предприятия (также горожане порой упоминают С. М. Кирова, курировавшего процесс); директора ЦБК К. И. Хайдуков, Г. А. Суханов (заметим, что один из важных для Новой Ладоги людей носил ту же фамилию);
- люди, послужившие на благо этому месту: купец Каялин — местный меценат; экс-глава администрации Сясьстроя А. М. Белицкий;
- педагоги: директор ДМШ Г. И. Щукин, основательница организации спортивного туризма Е. С. Халтурина, директор школы № 2 М. П. Корочкин;
- деятели культуры: редактор и фотокорреспондент местных газет Р. И. Филимонов, бард Ю. А. Кукин, юный вокалист Азер Насибов;
- «герои нашего времени»: герой чеченской кампании А. И. Нелов.

В Сясьстрое мы видим в списке значимых людей редкое сочетание как «этиологических героев», связанных с ЦБК, и героев ВОВ, так и деятелей науки и культуры российского и местного масштаба. Как правило, для индустриальных городков более характерны персонажи, связанные с местным производством и военной историей (они лидируют и в Сясьстрое), тогда как деятели других сфер привлекают куда меньшее внимание.

Территорией для исследования оказался символический центр города — парк на высоком песчаном берегу р. Сясь под вернакулярным названием Сосновый бор⁵⁹, что важно для понимания дальнейшего рассказа.

Образ Сясьстроя на основании трех первых ассоциаций с городом выглядит следующим образом (*Илл. 14*).

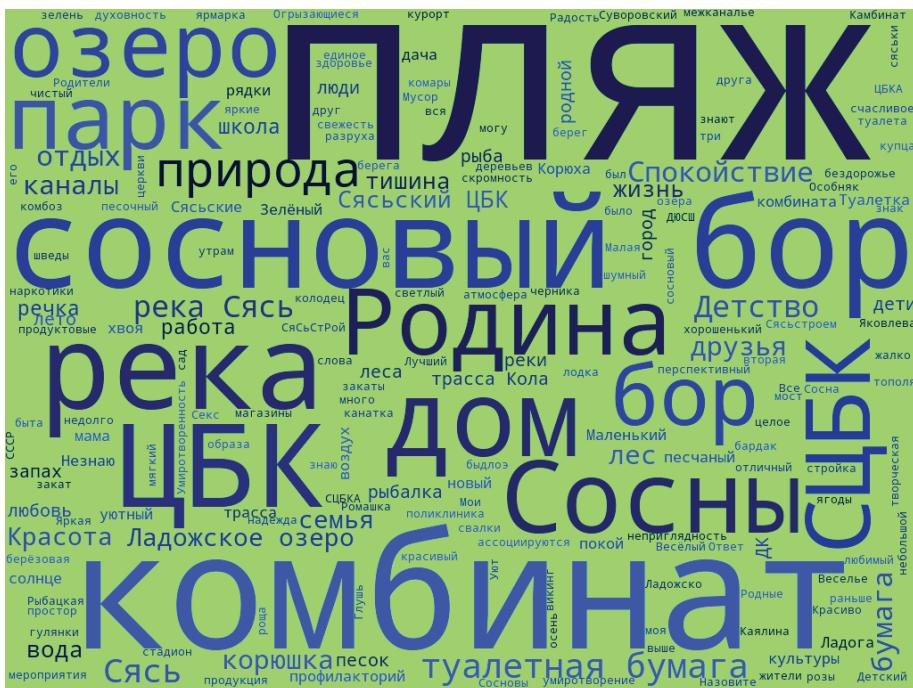
Как мы видим, в ядро ответов попали следующие явления или образы:

- природа: «пляж», «Ладожское озеро», «парк», «сосны», «сосновый бор», «река Сясь», «каналы» (имеются в виду Старо- и Новосясский и Старо- и Новосвирский каналы), «корюшка»;
- Сясьский целлюлозно-бумажный комбинат и его продукция: «комбинат», «ЦБК», «СЦБК», «туалетная бумага»;
- образ спокойного дома: «Родина», «дом», «спокойствие», «тишина», «детство», «друзья».

Таким образом, из общих ассоциативных ответов вырисовывается довольно позитивный образ города с доминантой природы и важным градообразующим предприятием (при этом сочетание чистой природы и вредного производства не рефлексируется).

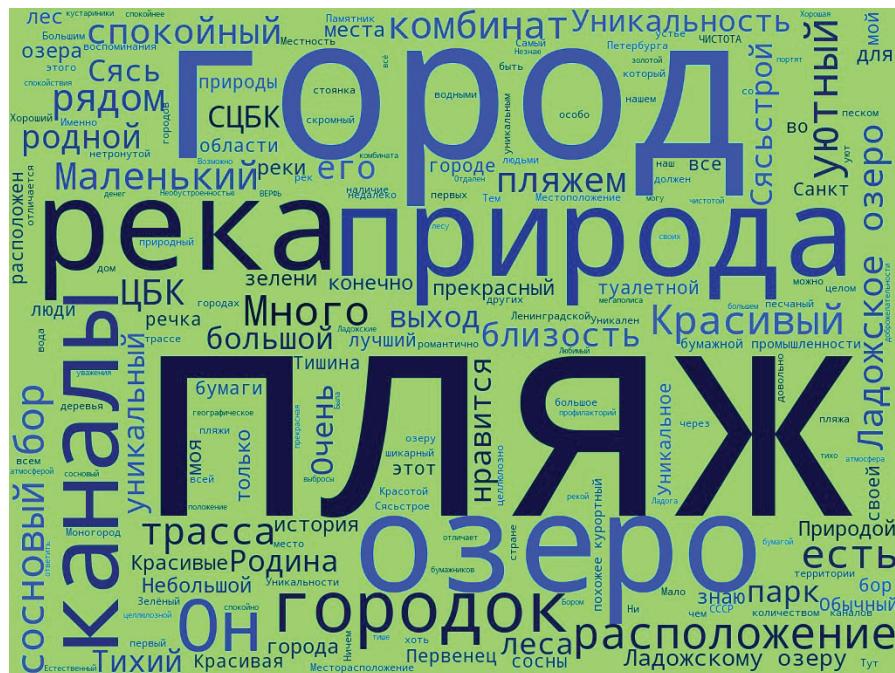
---

⁵⁹ Не путать с городом Сосновый бор в Выборгском районе Ленинградской области.

*Илл. 14. Сясьстрой, вопрос «Назовите 3 первых ассоциаций с Сясьстроем»
Ill. 14. Syasstroy – response to the question “Name 3 first associations with Syasstroy”*

В ответ на вопрос об уникальности Сясьстроя, его отличия от других городов картина получается следующей (Илл. 15).

Илл. 15. Сясьстрой, вопрос «В чем уникальность Сясьстроя?»
Ill. 15. Sviasstroy – response to the question “What makes Sviasstroy special?”

Как мы видим, уникальность Сясьстроя в восприятии его жителей заключается в первую очередь в его расположении («Ладожское озеро», «река Сясь», «каналы», «трасса на Мурманск») и его природных особенностях («природа», «пляж», «сосновый бор», «зелень»). Город воспринимается как маленький, красивый, уютный, тихий. Что интересно, комбинат в вопросе уникальности оказывается не столь важной чертой, однако не исчезает совсем, а город, отделенный от ЦБК, оказывается привлекателен в первую очередь географическими и природными красотами.

Что касается структуры городских достопримечательностей, то горожане дали следующие ответы (Имл. 16).

*Илл. 16. Сясьстрой, вопрос «Куда бы вы повели иногороднего гостя?»
Ill. 16. Syasstroy – response to the question “Where would you take a non-local guest?”*

Здесь снова лидирует парк — «парк», «пляж», «сосновый бор», «бор». Кроме этого, важной достопримечательностью оказывается историческая деревня на территории города — «старый район», «Сясьские рядки», а также мост через р. Сясь, каналы и территория между ними («межканалье»), Березовая роща, устье р. Валгомки, музей, мемориал Победы, Дом культуры. Таким образом, «интересность» места презентируют в первую очередь природные красоты и в меньшей степени — «докомбинатная» и «послекомбинатная» история города, воплощенная в архитектуре.

Таким образом, городской нарратив Сясьстроя мерцает: жители вроде бы помнят о дореволюционной истории этих мест, однако она

актуализируется, как правило, для внешней презентации города «чужим». Ядром же самоощущения является гордость за свою индустриальную историю: горожанам важно, что Сясьский ЦБК – «первнец бумажной промышленности СССР» (постоянный мотив ответов), а они – прямые потомки тех самых первопоселенцев, которые обеспечили появление этого первенца. Несмотря на то, что сейчас комбинат сократился в разы и уже не является основным «патроном» города как с социальной точки зрения, так и с точки зрения трудоустройства жителей, а основной выпускаемый продукт комбината – туалетная бумага, относятся к нему по-прежнему с теплом и гордостью. Второй по важности сюжет – помочь фронту во время ВОВ, переориентация ЦБК на выпуск боеприпасов и судоверфь на р. Сясь: «Цбк в войну делал оружие и переплавляли его по воде»⁶⁰, «Но я думаю, что немало людей у нас в городе, которые прошли концлагеря, трудились на судоверфи и те, кто прошли войну и защищали нашу страну»⁶¹.

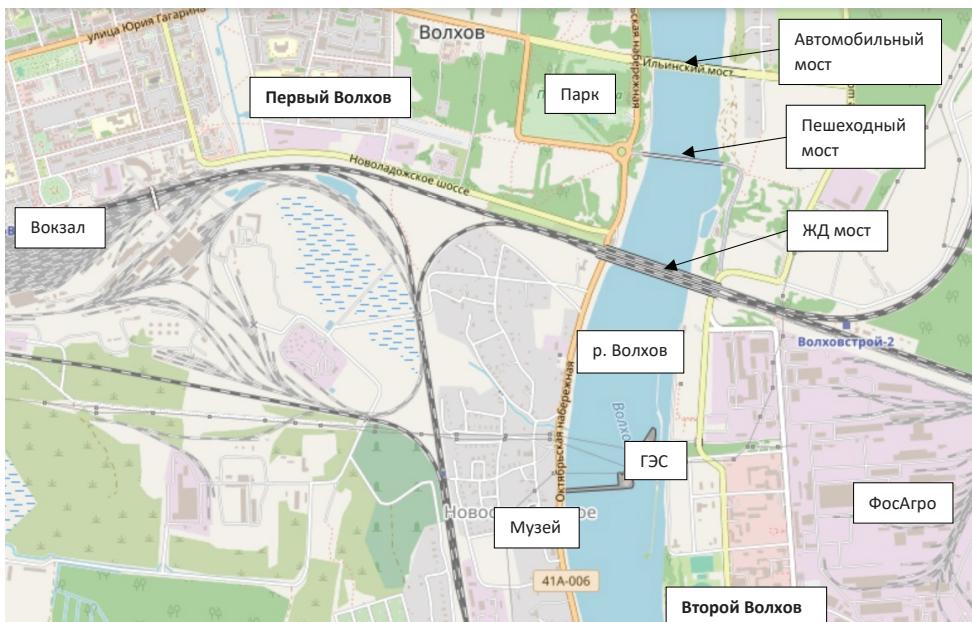
Волхов

Волхов (бывш. Волховстрой) – город на берегах реки Волхов в 20 км к югу от берега Ладожского озера, с населением порядка 43 000 человек. В отличие от большинства остальных индустриальных городов, рассматриваемых в статье, он действительно почти не имеет периода истории до XX века («историческую» функцию берет на себя соседняя Старая Ладога) и сразу развивался именно как индустриальный узел.

Важная особенность Волхова – историческая разделенность рекой на две части, отношения между которыми весьма напряженные. Левый берег, или Волхов-1, вырос из станции Званка, основанной на строившейся в 1904 году железной дороге. Правый берег, или Волхов-2 (ранее Волховстрой), появился вокруг сразу двух стратегических производств – первой в СССР крупной гидроэлектростанции (строительство 1918–1926 годов) и первого в стране алюминиевого завода (1930 год). В результате «первородство» оказалось за левым берегом, а больший престиж и комфорт проживания (а также формальный центр города) – за правым. Все это наложило большой отпечаток на идентичность горожан: Волхов-1 имеет ядром самовосприятия железную дорогу, тогда как индустриальное производство, сталинская застройка и большее внимание администрации ассоциируется в первую очередь со Вторым Волховом. Связка между двумя частями города – мост (точнее, три моста: автомобильный, железнодорожный и пешеходный), что добавляет происходящему фольклорных конnotаций (см. Илл. 17).

⁶⁰Жен., 30–39 лет, четвертое и более поколение. Эта и следующая цитата приведена по опросу «Сясьстрой, парк Сосновый бор» (апрель 2020 года, N=415).

⁶¹Жен., 40–49 лет, четвертое и более поколение.

Илл. 17. План города Волхов
Ill. 17. Plan of Volkhov Town

Вопрос⁶² о давности проживания семьи в городе показал, что толщина «культурного слоя» у волховчан соотносится со временем основания города: семьи примерно 22,8% респондентов живут в городе более 4 поколений, еще 34,6% – начиная с бабушек и дедушек, т. е. получается, что многие семьи живут в Волхове с момента строительства ГЭС и алюминиевого завода и заселения рабочих поселков Волховстрой и Званка, – и значительная часть приехала в город после войны.

Восприятие жителями истории города можно продемонстрировать при помощи облака слов (Илл. 18).

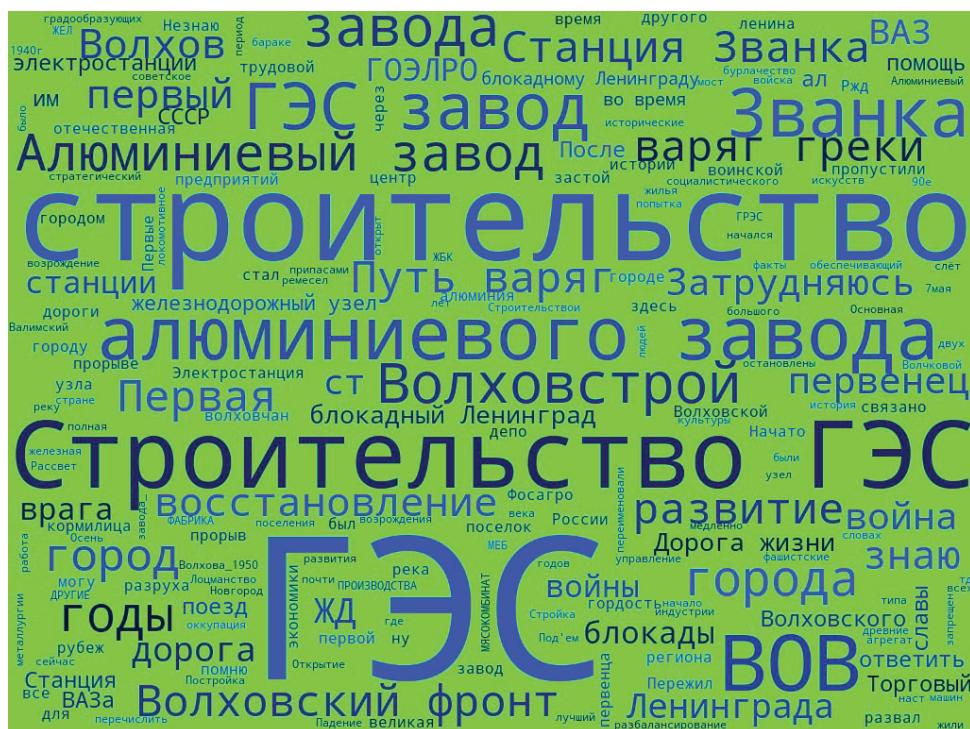
Таким образом, в восприятии истории Волхова можно выделить следующие периоды (даны в порядке убывания значимости):

- ранний СССР: строительство ГЭС в 1918–1929 годы и алюминиевого завода с 1929 года, появление поселка Волховстрой;
- Великая Отечественная война: Волховский фронт, Валимский рубеж, Дорога жизни, помощь блокадному Ленинграду, рубеж, остановивший фашистов, город трудовой славы, восстановление после войны;
- железнодорожная история начала XX века: станция Званка, железнодорожный узел, строительство моста через Волхов;
- древняя история: путь из варяг в греки, дорога на Новгород, Старая Ладога, Вещий Олег, Рюрик.

Таким образом, в истории города более актуализирована история Второго Волхова со строительством важных индустриальных объектов, далее весь город оказывается включен в «большую историю»

⁶²Здесь и далее данные приведены по опросу «Волхов, Расстанная площадь» (апрель 2020 года, N=373).

страны, связанную с войной, затем идет сюжет Первого Волхова и его вотчины — железной дороги, а по остаточному принципу воспринимается история, которая горожанам кажется не вполне «своей», но скорее принадлежащей соседнему поселению Старая Ладога — история Древней Руси. Фактически оказывается, что вся история Волхова в представлении жителей, за исключением сюжета с ВОВ — это череда оснований города, который возникал в разное время в разных местах.

*Илл. 18. Вопрос «Назовите основные вехи истории Волхова»
Ill. 18. Question: “Name the main milestones in the history of Volkho”*

Стоит отметить также один конфликтный в городе сюжет. Легендарный Волховский алюминиевый завод обанкротился в 1990-е годы, после чего его корпуса были выкуплены группой компаний «ФосАгро» для перепрофилирования завода на производство фосфоросодержащих удобрений. «ФосАгро», попытавшийся было принять на себя социальные обязательства разорившегося алюминиевого завода, столкнулся с резким неприятием жителей: они отнеслись к нему как к узурпатору, захватчику, врагу, который травит их вредным дымом⁶³.

Особенно жители Волхова-1 старались подчеркнуть свою отделенность, упирая на то, что река Волхов помогает им снизить уровень вредных выбросов от «ФосАгро», от которых страдает Волхов-2.

Что касается важных для города и его истории людей, наиболее упоминаемыми оказались следующие личности:

- инженер Г. О. Графтио, главный строитель Волховской ГЭС,
- первый мэр г. Волхова Н. М. Волчкова,
- лесничий и агроном П. Г. Антипов, герой ВОВ, создатель Антиповской дубравы,
- первый секретарь Ленинградского губкома ВКПб С. М. Киров,
- разведчица В. М. Голубева,
- В. И. Ленин,
- главный инженер Волховского алюминиевого завода В. П. Почивалов,
- генерал, остановивший гитлеровцев на подступах к Волхову, И. И. Федюнинский,
- летчик-истребитель А. М. Лукьянов,
- директор Волховского алюминиевого завода П. В. Федорин.

В этом кейсе сам запрос комментария у администрации относительно названных горожанами персонажей спровоцировал важный полевой материал. Например, такой ответ оказался уникальным источником локального знания с соответствующими коннотациями об «общероссийских» исторических персоналиях, а словоупотребление подчеркивает воспринимаемую горожанами важность города для первых лиц страны в сложный исторический период:

Киров Сергей Миронович. Часто приезжал на волховскую землю. Был на открытии Волховской ГЭС, Сясьского ЦБК. Особое внимание уделял строительству *первого в стране* Волховского алюминиевого завода, который *сразу после пуска 14 мая 1932г. начал носить его имя*.

Ленин Владимир Ильич. Ленин заинтересовался проектом Графтио и в январе 1918 года попросил дать ему все материалы, относящиеся к проекту сооружения Волховской ГЭС. Он оценил значение Волховской ГЭС для электроснабжения Петрограда, который переживал *острейший топливный кризис*. При обсуждении вопроса 22 апреля 1918 года на заседании Совнаркома о строительстве ряда гидроэлектростанций Ленин предложил Волховскую ГЭС «строить в 2-3 строительных сезона». Ленин лично следил за ходом подготовки документации для принятия решения Совнаркома о строительстве Волховской ГЭС. В 1920 году по заданию Ленина начата работа по составлению *знаменитого плана ГОЭЛРО*, была утверждена государственная комиссия по электрификации России. На VIII Всероссийском

видим те социальные программы, которые начали работать в городе. (...) Приход компании «ФосАгро» в город – это, безусловно, *позитивный момент* в жизни Волхова. (...) Я *пребывал в реакцию* многих горожан, заявляющих что экологическая ситуация с появлением нового предприятия ухудшилась. Но, давайте задумаемся. Во-первых, экологическая ситуация и во времена ВАЗ у нас была очень неспокойная. Не случайно деревня Дубовники была расселена, потому что попала в зону опасности для здоровья в связи с деятельностью сернокислотного цеха, цеха двойного суперфосфата. *Экология для нашего города всегда была проблемой*. Мы не можем этого отрицать. Изначально завод построен на территории города – такова была практика 1920–1930 гг. (...) В защиту «ФосАгро» нужно сказать, что, во-первых, руководство компании *прислушивается к мнению волховчан*, к проблемам, которые высказываются. (...) Оно [«ФосАгро»] стало может быть не в промышленном, не в экономическом, но в историческом плане преемником ВАЗ».

съезде Советов в декабре 1920 года план одобрен. Включение Волховстроя в план ГОЭЛРО явилось подтверждением *первоочередного* значения этой стройки, указывалось, что сооружение электростанции на Волхове включено в число *первоочередных работ*. Ленин постоянно интересовался ходом работ и распорядился держать его в курсе дел, личным вмешательством помогал решать вопросы с финансированием и снабжением стройки⁶⁴.

Как мы видим, в ядро важных для горожан людей г. Волхова входят инженеры и директора промышленных объектов города безотносительно места их рождения (Графтио, Почивалов, Федорин), люди, принесшие пользу городу и его жителям (Волчкова, Антипов, а также все деятели из предыдущей группы), политические деятели масштаба страны (Киров, Ленин), а также герои войны, как местные, так и всероссийского масштаба (Валя Голубева, генерал Федюнинский, летчик Лукьянов). Важные для города деятели укладываются в треугольник «промышленность – война – город/зелень», воспроизводя структуру восприятия города жителями (см. далее). Примечательно, что в этом списке на важных позициях нет, скажем, деятелей культуры и искусства или спорта, что, по-видимому, можно объяснить в том числе чеканностью устоявшейся триады, которая «не пускает» в этот список деятелей иного типа.

Три первых ассоциации с Волховом дают следующее облако ответов (Илл. 19).

*Илл. 19. Вопрос «Назовите 3 первых ассоциации с Волховом»
Ill. 19 Question: "Name 3 first associations with Volkov"*

⁶⁴ Справка предоставлена в письменном виде по запросу исследователя Отделом архитектуры Волховского муниципального района (авторы неизвестны).

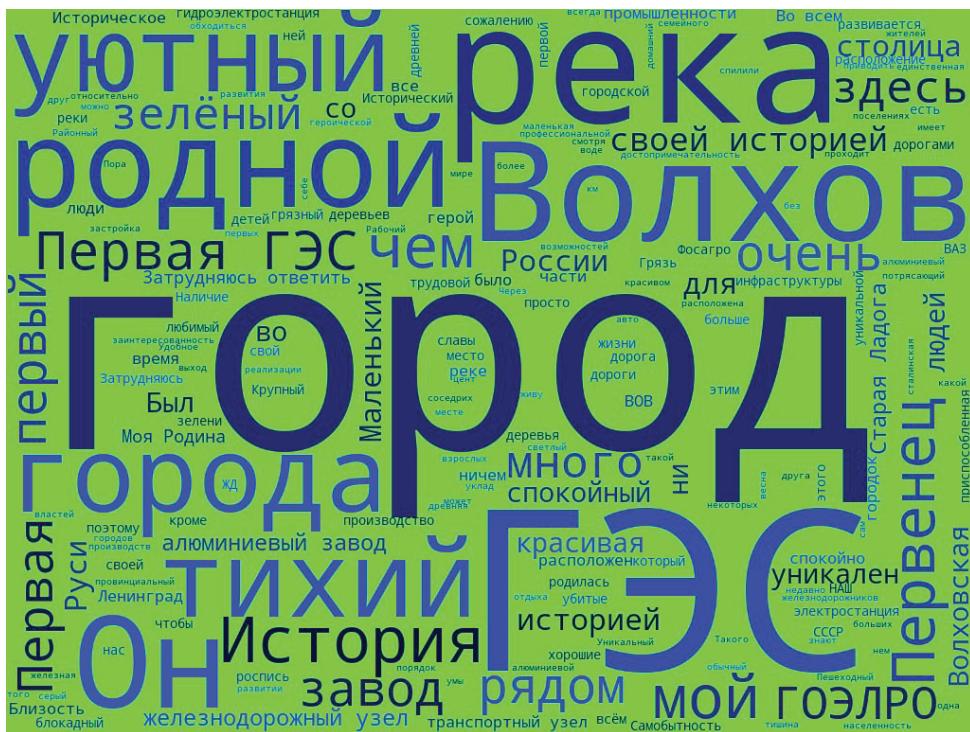
Как мы видим, в восприятии города жителями доминируют следующие семантические кластеры:

- гидроэлектростанция: «ГЭС», «электростанция», «Графтио»;
- река: «Волхов»; «мост», «плотина», «пороги», «корюшка»;
- алюминиевый завод: «ВАЗ», « завод», «алюминий», «алюминиевый завод»;
- железная дорога: «вокзал», «РЖД», «железная дорога», «железнодорожный узел»;
- родной город: «дом», «семья», «родина», «детство»;
- парки: «Ильинка», «Славы», «ВЛКСМ», «во Втором Волхове», «на привокзальной площади», «зелень», «зеленый город», «леса», «поля», «деревья», «природа», «экология»;
- негативные эмоции: «разруха», «неблагоустроенность», «скуча», «серость», «убогий вид», «глушь», «развал», «пустошь», «тоска», «бардак», «дыра», «грусть»; «грязь», «ямы», «болото», «лужи», «плохие дороги»;
- Великая Отечественная война: «город трудовой доблести и славы», «Волховский фронт», «город-герой», «паровоз», «памятник паровозу», «первый поезд в осажденный Ленинград», «Дорога жизни»;
- позитивные эмоции: «спокойствие», «тихий», «уютный», «доброта», «душевность», «миниатюрность».

Таким образом, восприятие Волхова горожанами строится в первую очередь вокруг индустриальной части – ГЭС, завода и железной дороги, а во вторую – вокруг характерной природы: реки и зеленых зон, важных для жителей. Примечательно, что важным ощущением города, третьим по популярности, является закрывшийся в 2013 году алюминиевый завод, при этом расположенный сейчас в тех же корпусах завод «ФосАгро» практически отсутствует в представлении горожан (его отметили 3 человека). Также в образе города важна конкретная историческая страница – Великая Отечественная война. В эмоциях относительно города преобладают положительные (семантические кластеры, связанные с семьей и идеей родного дома, а также с образом небольшого спокойного городка), однако есть и ощущение запущенности и скучи. Также в качестве важного, но менее актуализированного мотива проявляется идея «сто первого километра», куда ссылали пораженные в правах категории граждан в СССР.

Ответы на вопрос об уникальности Волхова выглядят следующим образом (Илл. 20).

Из вопроса об уникальности складывается следующий комплекс: Волхов – город-первенец, первоходец, первооткрыватель, он славен своей историей, что связывается с тремя аспектами: первая ГЭС в СССР («первенец ГОЭЛРО»), первый алюминиевый завод, а также, в меньшей степени, Волхов расположен рядом с первой столицей Руси – Старой Ладогой. Это проясняет, почему алюминиевый завод оказывается настолько более ценностно нагружен для горожан, чем появившийся на его месте «ФосАгро». Также к блоку «история» при-

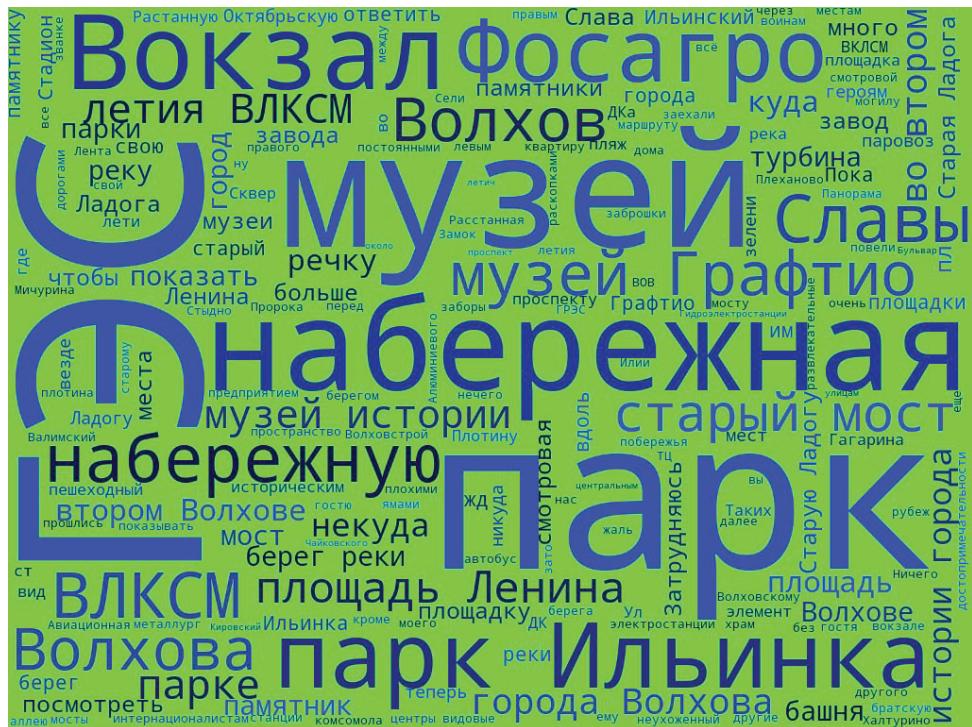
Илл. 20. Волхов, вопрос «В чем уникальность Волхова?»
Ill. 20. Volkhov – Question: “What makes Volkhov town special?”

мыкает нарратив о ВОВ и подвигах волховчан. Второй важный аспект воспринимаемой уникальности – это географическое расположение: город не только стоит на красивой реке, но и поделен ею на две части. Также Волхов – это уютный, спокойный, комфортабельный город, где больше возможностей, чем в городках вокруг него. Заметим, что сюжет с историей и ее ценностным наполнением почти отсутствует в «повседневном» восприятии города (за исключением сюжета о ВОВ), а появляется только при необходимости отделить «себя» от «других».

Основные достопримечательности, которые можно считать «внешней» презентацией города, укладываются в следующие кластеры по популярности:

- ГЭС;
  - парки: «40-летия ВЛКСМ», «Славы», «Ильинка», «вдоль ул. Гагарина»;
  - река Волхов: «набережная», «берег», «старый мост»;
  - музеи: «музей Волхова (музей Графтио)», «башня Фосагро», «музей алюминиевого завода»;
  - городской центр: «центральные улицы», «площадь Ленина», «ДК»;
  - железная дорога: «вокзал», «памятник паровозу, доставившему продовольствие в осажденный Ленинград»;
  - Старая Ладога.

Как мы видим, центром «внешней» самопрезентации, как и внутреннего восприятия города, являются все те же кластеры, выделенные еще в вопросах о трех ассоциациях: ГЭС и примыкающая к нему славная история местной промышленности, воплощенная в музеях – парки – река – железная дорога – весь остальной город, который оказывается вторичным по отношению к промышленным объектам в нем.

Илл. 21. Волхов, вопрос «Куда бы вы повели иногороднего гостя?»
Ill. 21. Volkov – Question: “Where would you take a : non-local guest?”

Итак, образ Волхова в глазах горожан состоит из сочетания природного (река, лесные угодья) и индустриального, включающего в себя триаду «ГЭС – алюминиевый завод – железная дорога». Семиотическая нагруженность и онтологическая ценность этих промышленных объектов так велика, что складывается фактически в этиологическую легенду об эпическом строительстве города во имя нового, которого никогда раньше не существовало, культурными героями – инженером Графтио и политическим деятелем Кировым, чье имя, по всем правилам этиологической легенды, присваивается его творению – алюминиевому заводу. Развитием этого сюжета является мотив Волхова как «защитника-помощника»: основные актуализированные исторические сюжеты – это помочь блокадному Ленинграду и символический первый поезд с продовольствием (здесь мы снова наблюдаем мотив «первенства», очень важный для волховчан, а тот самый паровоз стоит в качестве монумента на станции), а также рубеж, остановивший продвижение фашистов.

При этом город драматически расколот на две части, между которыми идет соперничество. Волхов Первый, несмотря на «первозданство», «застрял в 90-х», в отличие от более современного и ухоженного Волхова Второго, который и обладает основным символическим капиталом (ГЭС и ВАЗ).

Подпорожье

Подпорожье⁶⁵ – город на реке Свирь с населением около 16 000 человек. Градообразующее предприятие – Верхнесвирская ГЭС, построенная в 1930-е годы, что и позволило селу Подпорожье превратиться в рабочий поселок. Застройка советская. Важные для горожан объекты Подпорожья см. на Илл. 22.

Илл. 22. План города Подпорожье
Ill. 22. Plan of Podporozhye Town

Вопрос о давности проживания семьи в Подпорожье показал, что толщина «культурного слоя» у горожан довольно значительная: семьи четверти респондентов (25,7%) живут в городе 4 поколения и более (то есть еще со времени строительства ГЭС), более трети семей респондентов (37,4%) живет в городе 3 поколения, что тоже можно считать близким к «первопоселенцам». Еще пятая часть респондентов (20,4%) ответила, что их семья живет в городе во втором поколении, и только 14,1% живут в Подпорожье в первом поколении. Кроме прочего, это означает, что Подпорожье не выглядит привлекательным местом

⁶⁵Автор благодарит за обработку собранных ею количественных данных коллегу социолога Георгия Медвинского, преемника автора на посту социального исследователя ЦКЛО. Данные приведены по опросу «Подпорожье, парк» (апрель 2020 года, N=417).

для переезда: в нем живут скорее «по старой памяти», нежели из-за конкретных привлекательных аспектов; также горожане жалуются на отток молодежи.

Подпорожью с точки зрения статуса не повезло несколько раз. Географически оно находится дальше всех остальных рассмотренных городов от Санкт-Петербурга, что превращает его в типичный провинциальный городок без возможности хоть какого-то использования инфраструктуры и символической нагруженности мегаполиса. Символический капитал «глубинки» и «этничности» взяла на себя расположенная неподалеку деревня Мандроги, в которой обязательно останавливаются туристические теплоходы, идущие в Онегу; функцию туристического хаба для этих путешественников выполняет Лодейное Поле; а статус «первоГЭС» достался Волхову (см. выше).

Что касается восприятия жителями истории города, для них оказываются важными конкретные годы: в отличие от остальных городов (за исключением разве что историкоцентричной Новой Ладоги), респонденты чаще других приводят календарные даты. Наиболее актуализированным оказывается знание о строительстве и запуске ГЭС, произошедшем в 1952 году (некоторые респонденты сливают эту дату с датой присвоения статуса города, указывая 1956 год). Далее идет ответ о присвоении статуса города в 1956 году, что оказывается одним из центральных сюжетов разговоров о городе вообще. В итоге связка «запуск ГЭС – присвоение статуса города» оказывается свернутой формулой истории Подпорожья в целом: «1951 год – ввод Верхне-Свирской ГЭС, 1956 год – поселок Подпорожье преобразован в город»⁶⁶.

Следующий по популярности сюжет – об оккупации во время Великой Отечественной войны и последующем освобождении. Важно, что в случае Подпорожья оккупантами оказались не немцы, а финны, что жители подчеркивают: «Аккупация финами во время ВОВ, строительство ГЭС, праздники в парке»⁶⁷ (ответ на просьбу перечислить вехи истории города).

Советский период с запуска ГЭС до перестройки воспринимается периодом изобилия в противовес спаду с 1988 года. Упоминались также начало строительства ГЭС в 1936 году, открытие Аллеи героев в 1967, присвоение статуса города воинской славы в 2020 году (единственное положительно оцениваемое событие современности в жизни города, которое также помогает символически отделять Подпорожье от «негородского» статуса), открытие стелы на братском захоронении, а также Свирьлаг и сплав леса для судоверфи (единственный дореволюционный исторический мотив). Как видим, большая часть воспоминаний связана с советским периодом истории.

Исподволь в рассказах об истории прослеживается горькое осознание того, что современность оказывается худшим для города периодом – ламентации о «развале» производств, инфраструктуры после

⁶⁶ Жен., 40–49 лет, второе поколение.

⁶⁷ Жен., 40–49 лет, третье поколение.

распада СССР прослеживаются в большинстве попыток пересказать «полную» историю Подпорожья: «Строительство ГЭС, жилое строительство, Развал всего»⁶⁸, «Строительство ГЭС, расцвет города в 80-х годах, упадок с начала 90-х и до сих пор»⁶⁹, «Маленькая деревенька на берегу Свири, Рождение города в человеческих муках тысяч людей! Советский подъём промышленности уровня жизни людей Присвирья, упадок в пропасть и 30-ЛЕТИЕ ПОПЫТОК ЧТО-ТО восстановить! Графтио Спасибо!»⁷⁰

Из этой приоритизации исторических событий заметно, что факт основания города и начала строительства ГЭС для горожан не настолько важен, как его окончание и запуск. Это, скорее всего, связано с вопросом престижа и символического капитала: у закладки ГЭС этот престиж не так высок (она была далеко не первой в регионе, этим сложно гордиться), тогда как запуск связан ассоциативно с присвоением городского статуса и «благодетельствованием» окружающих территорий (электрификация как самого города, так и окрестных поселков), что является одним из центральных ощущений городской, то есть «не-сельской» идентичности подпорожцев (которая, как кажется, все время находится под вопросом и поэтому требует все новых подтверждений):

Жизнь «закипела» после постройки ГЭС. До этого события *была большая деревня*, которую в округе населяли деревни поменьше. Преимущество поселения-река Свирь, дающая все необходимое для жизни и торговли⁷¹.

*От деревни к районному центру*⁷².

Построена *наша ГЭС*. Присвоение *статуса город* в 1956 году. В этом году присвоено Подпорожью статус Город воинской славы⁷³.

Кроме того, основание ГЭС связано с не самыми радужными ассоциациями: Свирьлагом, а само это событие «размывается» перебившей строительство войной, на фоне которой «славная раннесоветская индустриальная история», не дающая жителям при этом значимого символического капитала, оказывается гораздо менее важной.

Что касается важных для города людей, наиболее популярными ответами оказались следующие персонажи (по убыванию):

- Яковлев Лев Александрович (доктор, хирург),
- Графтио Генрих Осипович (инженер, автор проекта ГЭС),
- Гнаровская Валерия Осиповна (герой Советского Союза),
- Смирнов Иван Григорьевич (герой Советского Союза),
- Исаков Василий Григорьевич (герой Советского Союза),
- Волков Иван Архипович (герой Советского Союза),

⁶⁸ Жен., 60–69 лет, третье поколение

⁶⁹ Жен., 40–49 лет, третье поколение.

⁷⁰ Муж., 60–69 лет, первое поколение.

⁷¹ Муж., 30–39 лет, второе поколение.

⁷² Жен., 30–39 лет, третье поколение.

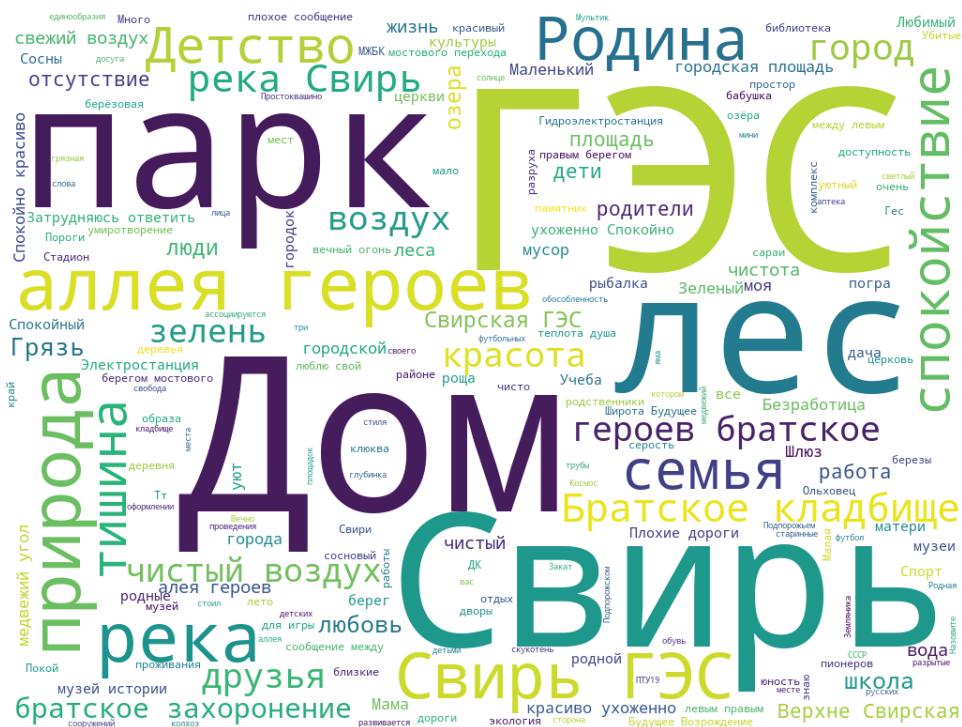
⁷³ Жен., 70+ лет, второе поколение.

- Зимина Тамара Георгиевна (председатель совета ветеранов),
  - Гавроев Гавриил Игнатьевич (почетный гражданин Подпорожья, ветеран ВОВ),
  - Сулава Ольга Николаевна (врач).

Из списка «топ-персонажей» можно заметить следующее: отдельный блок составляют фронтовики, фигуры которых воплощены в месте памяти — в бюстах на Аллее героев (соответственно, горожане регулярно видят эти имена), самым важным человеком оказывается врач-онколог городской больницы советского периода, а единственный представитель «большой» истории в этом списке — проектировщик ГЭС Генрих Графтио, встречавшийся нам в Волхове.

Реже в ответах респондентов упоминаются люди самых разнообразных профессий: учителя местных школ, руководители предприятий, не попавшие на Аллею героев ветераны, местные художники и журналисты и др. Нередки ответы вида «мой отец» или «мой дед», который строил ГЭС, школы, жилые дома, партизанил в войну, был передовиком производства и т. д. Также привлекает внимание, что практически не встречаются упоминания общероссийских персонажей (Петр I, Ленин, Киров, Сталин): локальная и семейная история оказывается для горожан важнее, чем вписанность в «большую».

Образ города, исходя из трех первых ассоциаций, выглядит так (Илл. 23).

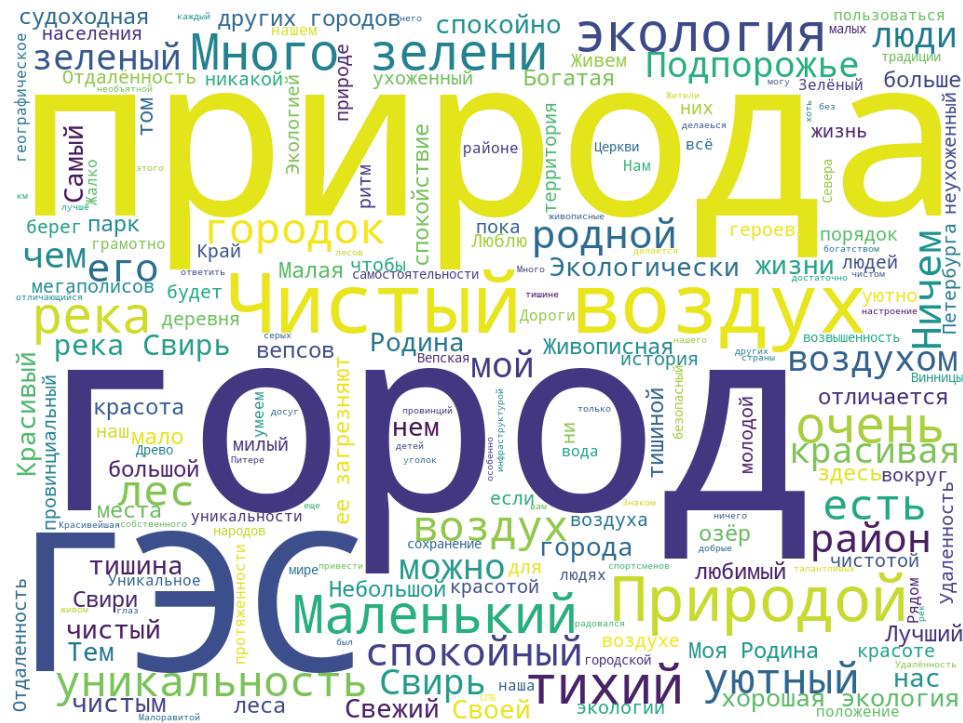
Илл. 23. Подпорожье, вопрос «Назовите 3 первых ассоциации с Подпорожьем»
Ill. 23. Podporozhye – Question: “Name 3 first associations with Podporozhye”

Как мы видим, в ядро ответов попали следующие явления или образы:

- «гидроэлектростанция», «ГЭС»;
  - «Свирь», «река», «воздух», «природа»;
  - образ дома и малой родины («дом», «родина», «детство», «спокойствие»);
    - определенные места в городе («парк», «аллея героев», «братское кладбище»).

Таким образом, из общих ассоциативных ответов вырисовывается образ маленького города на реке Свирь с доминантой природного и важным техногенным объектом (ГЭС). Примечательно также, что практически все названные понятия — предельно конкретные, в основном это пространственные объекты города, к которым можно прийти.

Уникальность Подпорожья горожане видят в следующем (Илл. 24).

Илл. 24. Подпорожье, ответ на вопрос «В чем уникальность Подпорожья?»
Ill. 24. Podporozh'ye – Responses to the question: “What makes Podporozh'ye special?”

Таким образом, уникальность Подпорожья в восприятии его жителей заключается в первую очередь в его природных особенностях (река Свирь, красивая природа, чистый воздух) и наличии гидроэлектростанции. Город воспринимается как маленький, окруженный красивой природой, с большим количеством зелени. ГЭС, тем не менее, выделяет его среди ближайших городов региона. Исторический аспект не проявляется ни в идентичности, ни в «демонстрационном» варианте.

Репрезентативными достопримечательностями горожане видят следующие (Илл. 25).

*Илл. 25. Подпорожье, ответы на вопрос «Куда бы вы повели иногороднего гостя?»
Ill. 25. Podporozhye – Responses to the question “Where would you take a non-local guest?”*

Как мы видим, лидирует ГЭС, однако парк тоже занимает важное место, наряду с Аллеей героев, братским захоронением, Свирию и площадью. Вот одна пространная цитата:

[повел бы гостя] В первую очередь на братское кладбище, чтобы показать сколько людей отдали свою жизнь за защиту нашего города. Чтобы человек проникся тем чувством, что не можем мы не любить наш город, он нам очень дорого достался. Пусть гость посмотрит на ГЭС. Объяснить ему что это *не просто дамба, а часть истории*. Рассказать с какими трудностями столкнулись строители и проектировщики при возведении этого сооружения, это был *подвиг и блеск технического решения*. И потом я бы сводил его в парк, но только после приведения территории в порядок. Мне любить парк помогают воспоминания и надежда на будущее, вот и гость должен увидеть кусочек нашей природы и спокойной жизни рядом с каменными домами⁷⁴.

Сюжет с парком в свернутом виде воспроизводит главный городской текст о славном прошлом и печальном настоящем Подпорожья, тоску по понятным и уважительным к «рабочему человеку» советским временам: «Тихое, спокойное место, где приятно проводить досуг для

⁷⁴Муж., 50–59 лет, второе поколение.

отвлечения от повседневных хлопот и рабочих моментов. В 90-х парк потерял свою репутацию и привлекательность на фоне анархии и беспредела»⁷⁵. Респонденты часто оперируют советскими формулами и клише, описывая свой восторг от былой славы парка и «искреннего, настоящего» веселья, которое невозможно сейчас.

Вот некоторые развернутые комментарии о прежней и нынешней роли парка в жизни города:

Общественное место для прогулки и празднования важных городских событий. Основано в СССР на благо рабочего человека, как место гордости за отчизну и рабочие показатели⁷⁶.

Помню с детства, когда *каждый выходной ходили, смотрели как выступают самодеятельные коллективы различных предприятий, сама выступала в составе танцевального коллектива «Свирянка»⁷⁷.*

Парк – одна из *нерукотворных жемчужин Подпорожья*. В советское время летом каждый воскресный денёк там проходили *народные гуляния*, звучала музыка, которую было слышно на пол города и которая *созывала всех*, я была маленькой девочкой и засыпав этот музыкальный призыв бежала со всех ног на этот праздник, благо жили мы совсем рядом, на садовой улице. *Праздники были такими искренними, весёлыми, что вспоминаются до сих пор...* Помню два фонтана⁷⁸.

Немного вглубь парка были ямы картофельные, огороды, много огородов. И у нас был такой огород, мы его называли «дальний»... Хорошее было времечко...⁷⁹

История парка – это *праздники*, которые проводились раньше, это *наши подпорожцы*, люди старшего поколения, которые приходили в парк и по *настоящему веселились* и слушали приезжих артистов. Я думаю это *вернуть уже невозможно*, не то время, *не та молодёжь* и слишком большой отток молодёжи из города из-за отсутствия работы⁸⁰.

На самом деле там *не хватает веселья* и людей, когда в парк заходишь – видишь ничего. Никто не ходит особо, как будто *всё не нужен парк*. Это не так. Я считаю просто нужно больше каких-либо мероприятий (лыжные гонки, велогонки, и так далее, почаще)⁸¹.

Примечательно, что парк не имеет никакого названия – ни официального, ни вернакулярного. Он в Подпорожье единственный, так что жителям название для него и не требуется. Это ввело в замешательство архитектурное бюро, занимавшееся проектом, поскольку для подачи заявки каждый проект должен иметь уникальное название. В результате архитекторы сами придумали ему название («Электрический лес»), к которому, однако, жители остались равнодушны.

⁷⁵ Муж., 30–39 лет, второе поколение.

⁷⁶ Муж., 30–39 лет, второе поколение.

⁷⁷ Жен., 40–49 лет, четвертое и более поколение.

⁷⁸ Жен., 40–49 лет, второе поколение.

⁷⁹ Жен., 50–59 лет, второе поколение.

⁸⁰ Муж., 50–59 лет, третье поколение.

⁸¹ Муж., 14–19 лет, четвертое и более поколение.

История парка как цепочка событий здесь не имеет самостоятельной ценности, она глубоко интегрирована в личные и семейные воспоминания циклического, календарного свойства, из которых складывается следующий образ: парк — не только и не столько природная зона, сколько центр актуализации групповой принадлежности, главное место социального временипрепровождения: именно в парке проводились как городские, так и профессиональные календарные праздники (мотив профессиональной привязки, «трудящихся людей» особенно важен для жителей); инфраструктура позволяла полностью переключиться от забот и отдохнуть — в парке работал фонтан, детские аттракционы, торговали ларьки с мороженым и сладостями, проводились концерты местных и приезжих артистов, устраивались спортивные соревнования, зимой катались на лыжах. Иными словами, центром города и подателем символического городского статуса вкупе с возможностью не только созерцания, но и соучастия — в празднике, соревновании, концерте — оказывался именно парк (а не, скажем, ГЭС, площадь у администрации и иные теоретически подходящие для этого локации).

Природный аспект тоже важен, хотя гораздо менее частотен: это сюжеты о сборе грибов и ягод, использовании погребов и огородов, хождения за водой на родник⁸². Стоит отметить, что парк действительно представляет собой чудесный сосновый лес с чистым воздухом и характерным карельским ландшафтом.

Как мы видим, нарратив Подпорожья воспринимается жителями как череда испытаний и тяжелого труда, которая привела город к «золотому веку», однако сменилась новым испытанием — разрушой и запустением, выхода из которого жители не видят. При этом сохраняется их приверженность городу, поскольку в его историю тесно вплетена история их предков — что, впрочем, не мешает отточной миграции молодежи.

ГОРОДА-САТЕЛЛИТЫ

Коммунар

Коммунар⁸³ — город на берегах реки Ижора в Гатчинском районе с населением около 20 000 человек. До революции вырос как рабочий поселок при бумажной фабрике на месте мызы и деревни, находившихся в окружении императорских вотчин (Павловск, Гатчина, Царское село). В Великую Отечественную войну перед приходом фашистских войск был эвакуирован. На данный момент сочетает функции

---

⁸²Хождение или даже автомобильные поездки за водой на родник, обычно находящийся в лесопарковой зоне (один из таких благоустроен в подпорожском парке, а еще несколько «разбросаны» по городу) — довольно частая бытовая практика многих поселений Ленинградской области. При этом у родников нет статуса «святых» или «чудодейственных» — за водой ездят потому, что она, по мнению практикующих, «чище» водопроводной. Такие практики обычно мало экспансионированы, исследовать их можно, только найдя родник самостоятельно и проведя полевую работу с посетителями.

⁸³Не путать с г. Коммунар Кингисеппского района Ленинградской области.

отдаленного спального района Петербурга и промышленного центра, доминирующую роль в котором по-прежнему играет картонно-полиграфическое производство. Важные для горожан объекты см. на Илл. 26.

Илл. 26. План города Коммунар Гатчинского района
Ill. 26. Plan of Kommunar Town, Gatchina District

Что касается восприятия своей истории жителями Коммунара, содержательных ответов оказалось только около трех десятков. В этих ответах доминирует семантический кластер «Коммунар – город бумажной промышленности», что, строго говоря, является текущей характеристикой, а не исторической вехой. При этом некоторые горожане полагают, что фабрика, а при ней и поселок, появились в советские времена, и населенный пункт сразу назывался Коммунар. Следующие три мотива упомянули примерно равное количество людей (считанные единицы): что бумажная фабрика существовала еще до революции (при этом название фабрики – Роджерса и Пейффера – не появилось ни разу); что Коммунару недавно присвоили статус города (и некоторые в этом статусе сомневаются); что до фабрики существовала деревня Графская (после Царская) Славянка, принадлежавшая графине Самойловой.

Приведем наиболее примечательные цитаты:

Что это очень молодой город и ему еще стоит много времени чтобы действительно стать городом⁸⁴.

Коммунар образовался с вводом бумажной фабрики Коммунар⁸⁵.

⁸⁴ Жен., 31–35 лет, второе поколение. Цитаты приведены по опросу «Коммунар – Ижора» (март 2020 года, N=188).

⁸⁵ Муж., 50–59 лет, первое поколение.

Существует около полутора веков. Изначально был *деревней при писчебумажной фабрики* с водяной мельницей. Следом переименован при начале советского государства в одноименный с фабрикой рабочий поселок Коммунар, в 1994 году присвоен статус города. Богатую историю имеет Антропшино, в 19 веке *Графская Славянка при графине Самойловой*, район Ремиза—бывший графский зверинец. Богатое прошлое города в 22 тысячи человек⁸⁶.

Коммунар был основан как *рабочий поселок при бумажной фабрике* в 19 веке. В конце 70-ых началось строительство Ленинградской картонной фабрики, произошел резкий рост населения. В 1993 году присвоен *статус города*. В настоящее время ведется активное жилищное строительство⁸⁷.

Как мы видим, в исторической памяти Коммунара по сравнению с вышеописанными городами наблюдаются и уже знакомые нам мотивы, и несколько любопытных лакун.

Во-первых, в истории важным оказывается факт индустриального происхождения, а также обретение городского статуса, что вообще типично для рассмотренных промышленных городов. Также довольно типично то, что «докомбинатная» история оказывается мало релевантной и не связана напрямую с Коммунаром как таковым. При этом любопытно, что с фабрикой не связано никакого имени, отсутствует фигура основателя (как дореволюционных владельцев фабрики, так и деятелей эпохи переименования после революции).

Во-вторых, привлекает внимание сравнительная бедность исторических мотивов — фактически их всего четыре, и носителей этого знания очень мало. Это отчасти коррелирует с давностью проживания семей респондентов в Коммунаре: 67% живут в городе 1–2 поколения (что разительно отличается от рассмотренных выше городов). Это связано с тем, что Коммунар в последние десятилетия развил активное жилищное строительство, и туда переезжают молодые семьи как из Петербурга, так и из более дальних городов вследствие сравнительной дешевизны жилья при относительно удобной транспортной доступности мегаполиса. Низкий же процент старожилов может объясняться тем, что в период ВОВ население поселка было эвакуировано перед тем, как фашистские войска оккупировали территорию.

Что особенно удивляет, в этом историческом нарративе полностью отсутствует самый важный в исторической памяти остальных городов аспект — Великая Отечественная война⁸⁸. Отчасти это может быть связано с тем, что фактически мало кто из семей текущих жителей пережил ее в Коммунаре. Однако, как мы видели в примерах аналогичной стратегии послевоенного заселения городов (Ивангород, Светогорск), даже если семьи жителей не застали войну в этом городе, какой-то нарратив о ней все-таки присутствует, притом даже с конкретными персонажами

⁸⁶ Муж., 20–29 лет, четвертое поколение.

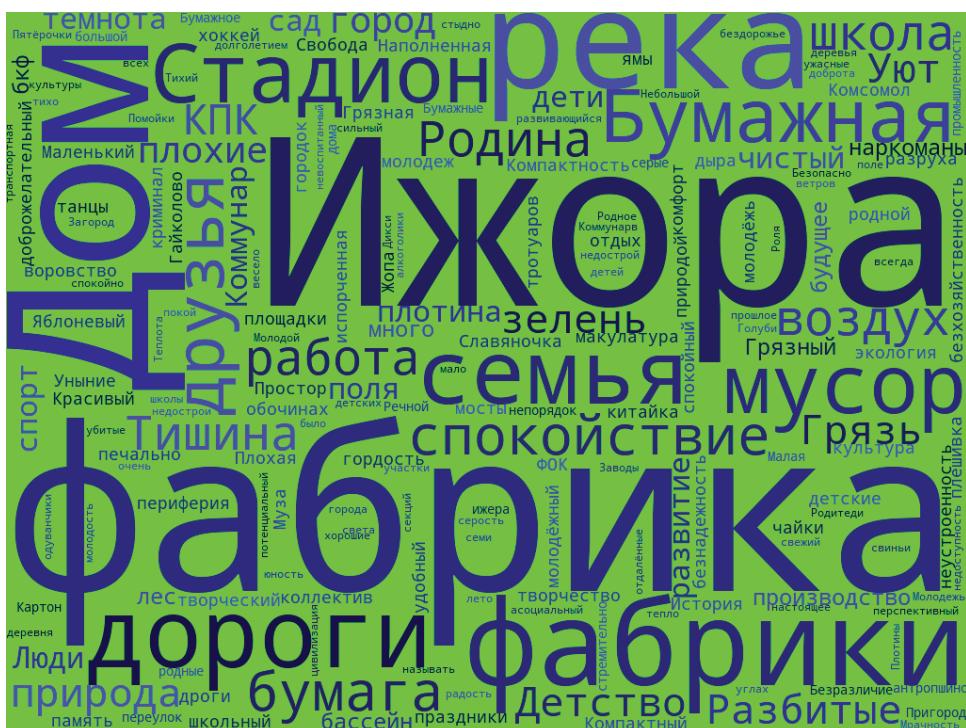
⁸⁷ Жен., 50–59 лет, первое поколение.

⁸⁸ Этот исторический период полностью отсутствует даже в статье о Коммунаре в «Википедии» [

(генерал Федюнинский, пограничник Гарькавый). Примечательно, что на территории Коммунара война при этом почти никак не представлена визуально⁸⁹ и топонимически, так что, вероятно, отсутствие физических и символических мест памяти сказалось на отсутствии этой памяти.

Ответы на вопросы о важных для города людях также весьма нетипичны: там нет ни одного исторического лица (притом, что вопрос формулировался как «перечислите важных для Коммунара и *его истории* людей»), и при этом практически нет доминирующих персоналий, за исключением Сергея Богданова — краеведа, активиста и члена Совета ветеранов (он единственный набрал 12 упоминаний). Остальные перечисленные люди — это современники: действующие и бывшие главы администрации, депутаты, члены Законодательного собрания Ленобласти, члены Совета ветеранов, учителя и др., почти каждый из которых упомянут по одному разу. Как мы видели, практически во всех городах есть некоторое соотношение «общероссийских» знаменитостей и деятелей местного значения, притом разных периодов, но никогда — только современников. Возможно, это также связано с недавней заселенностью города большей частью семей респондентов.

Коммунарцы приводят следующие ассоциации со своим городом (Илл. 27).

*Илл. 27. Коммунар, вопрос «Назовите 3 первых ассоциации с Коммунаром»
Ill. 27. Kommunär – Question: “Name 3 first associations with Kommunär”*

⁸⁹ Об этом см. в статье «Гатчинской правды» «Навеки в памяти народной» (что, как мы видим, фактически не так: «народная память» как раз вытеснила этот период) [<https://gtn-pravda.ru/2015/07/03/naveki-v-pamjati-narodnoy.html>]

Доминируют кластеры «река Ижора» и «бумажная фабрика». Также важен образ родного места: «дом, семья, друзья, Родина». При этом этот дом не так уж ухожен: «разбитые дороги, мусор, грязь», хотя есть и позитивные аспекты: «тишина, природа, чистый воздух».

В вопросе об уникальности заметно, что аспект близости к мегаполису оказывается гораздо важнее, чем любой другой признак (это говорит о том, что Коммунар для жителей – в первую очередь город-сателлит, транзитное пространство, а уже потом индустриальный моногород): большинство отмечает, что Коммунар находится близко к Петербургу, и до него удобно добираться. При этом некоторые дополнительно отмечают близость к другим историческим городам района: Павловску, Гатчине, Царскому Селу.

Следующий важный кластер – производство: «комбинат, фабрика (несколько бумажных фабрик)».

Отдельный смысловой блок – идиллический: «небольшой, тихий, уютный городок с хорошей экологией, добрыми отзывчивыми людьми и достаточной инфраструктурой». Также в этих характеристиках встречались сомнения в городском статусе Коммунара. Респондентам было очевидно, что это описание само по себе не может считаться уникальностью, поэтому оно обычно идет в дополнение либо к географическому положению, либо к «производственному» сюжету. При этом сочетание промышленного производства и хорошей экологии не вызывает рефлексии (как, впрочем, и в ряде других рассмотренных нами промышленных городов – Сясьстрое, Подпорожье).

Несколько человек охарактеризовали Коммунар как «молодой» город. Это может относиться как к недавно обретенному статусу города (в том смысле, что именно как город Коммунар появился недавно), так и к составу жителей: Коммунар – редкий пример города Ленинградской области, где возрастное распределение действительно сдвинуто в сторону молодежи.

Уникальность в том, что на территории города находится СПб картонно-полиграфический комбинат, а это рабочие места для жителей. Хорошее транспортное обеспечение, в «шаговой» доступности СПб, Пушкин, Павловск⁹⁰.

Развитая индустрия на ряду с близостью к области и природе. На распутьи между мегаполисом и сельством⁹¹.

Он небольшой, близко от СПб. Но увы не город в полном понимании этого слова, хотя по численности проживающих в нём людей...⁹²

Также примечательны некоторые значимые лакуны. Так, река Ижора, важный аспект самовосприятия, почти не встречается в ответах на вопрос об уникальности. Также нет никаких попыток апелляции к какой бы то ни было истории. Коммунар в основном описывается

⁹⁰Жен., 50–59 лет, первое поколение.

⁹¹Муж., 20–29 лет, четвертое поколение.

⁹²Жен., 30–39 лет, второе поколение.

через отрицание, «промежуточность» или «безликие» характеристики. Если бы «не-местом» в концепции Марка Оже могли быть целые города, то Коммунар, возможно, довольно значительно приблизился бы к этому понятию: «Если место может определяться как идентифицирующее, связующее (диалоговое) и историческое, то пространство, которое не может себя определить как идентифицирующее или как связующее, или как историческое, будет определяться как не-место» [Оже 2017: 84].

Коммунар – важная часть нашего метаанализа, поскольку в нем на фоне предыдущих городов заметен масштаб «значимого отсутствия», которое в противном случае было бы сложно отследить. В отличие от схожего по характеристикам Светогорска, где смысловой центр стерт, но очертания его угадываются, а в городе чувствуется жажда этот центр обрести – в Коммунаре этот смысловой центр практически отсутствует, и отсутствие это не вызывает дискомфорта. Отчасти это произошло из-за резкой смены населения вследствие войны, отчасти, возможно, из-за отсутствия других достаточно ярких характеристик (так, новозаселенные и Ивангород, и Светогорск – еще и приграничные города, и эта приграничность для них работает в качестве «базового» уровня идентичности, на который наслаждаются все остальные), отчасти из-за значительной приточной миграции в последние десятилетия. Наличие бумажного производства почему-то не закрыло эту смысловую лакуну – возможно, потому, что бумажная фабрика сейчас в городе не одна, а потому никакой конкретный индустриальный объект не может выступать в восприятии горожан отдельным «персонажем» со своим лицом и характером. Поэтому город фактически живет сегодняшним днем и «сателлитно-промежуточной» идентичностью, не помня ни старых событий, ни людей предыдущих поколений.

МЕТАУРОВЕНЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Несмотря на краткость исследований, эта совокупность кейсов дает редкую возможность посмотреть на идентичность и историческую память жителей городов одного региона на метауроне. На нем можно заметить ряд «бродячих» мотивов (сюжетов, дискурсов), которые распределяются между городами на основании определенных признаков и особенностей исторического развития. Рассмотрим те, которые нам удалось выявить.

Основным объединяющим дискурсом является *Великая Отечественная война*. В силу драматической истории региона сюжетная наполненность в этих городах будет разной: города южного Приладожья (Волхов, Сясьстрой, Новая Ладога) рассказывают о помощи осажденному Ленинграду: едой, топливом, боеприпасами и эвакуацией – и о своем участии в прорыве блокады (статус не сдавшихся врагу прифронтовых территорий придает этим рассказам особую гордость), при этом эта помощь тесно связана на ядро идентичности горожан –

воду (Волхов и Ладогу) и железную дорогу; Подпорожье было оккупировано, однако не привычными российскому военному дискурсу немцами, а финнами; воспринимаемая жителями «актуальная» история Ивангорода и Светогорска вообще начинается с войны, поскольку до нее эти города принадлежали другим странам и потому были «вычеркнуты» из восприятия современных жителей. Единственное исключение в нашей выборке — Коммунар, отсутствие военного нарратива в котором можно объяснить массовой послевоенной заменой населения после полной эвакуации.

Как правило, герои войны, чтимые в этих городах — либо местные уроженцы, либо бойцы, погибшие в этих местах (для подростков и партизан характерно и то, и другое одновременно). Однако порой наблюдаются и «сквозные персонажи», причем они могут объединять находящиеся довольно далеко друг от друга города: так, генерала И. И. Федюнинского помнят как в Волхове, так и в Ивангороде (под Волховом он остановил продвижение фашистских войск и не дал взять город, что очень важно для самовосприятия горожан, а около Ивангорода с так называемого Федюнинского плацдарма руководил Нарвской операцией по освобождению этой территории). Не исключено, что генерал встретился бы нам и в других городах региона (например, Тихвине, Любани, Ропше), где он также проявил свои полководческие таланты, однако эти города не вошли в материалы нашего исследования.

Также исследователю как петербурженке и фактически носительнице этого дискурса бросилось в глаза отсутствие значимых военных персонажей в «блокадном нарративе» Петербурга, тогда как в областных городах именно военные (рядовые и полководцы) оказываются в центре сюжетов о войне. Возможно, это объясняется тем, что ленинградская «точка отсчета» фактически тыловая: военные действия как таковые происходили на периферии города, и поэтому имена военных, защищавших и освобождавших город, не попадали в центр внимания, в отличие от «блокаадного подвига», к примеру, Тани Савичевой.

Вторым важным дискурсом, объединяющим многие из рассматриваемых городов, является *индустриальная слава ранней Советской власти*. Поскольку жители бывших рабочих поселков обычно воспринимают историю своих городов именно с этого момента безотносительно существования на этом месте или поблизости более ранних поселений, то сюжет об основании производства (и поселка вокруг него) приобретает статус этиологической легенды, которая тем более сакральна, что апеллирует к «первотворению» — многие из производств региона были первыми (или одними из первых) в своем роде в Советском Союзе. Поскольку жители таких городов зачастую являются потомками рабочих-первоосновенцев (значительная доля респондентов указывает длительность жизни семьи в городе в 3–4 поколения и более), эта связь и гордость за нее до сих пор остается важным компонентом

самоощущения горожан: мотив «первенца (такого-то производства в России/СССР)» появляется во всех этих городах. Демиургами этого первоизрения, героями-основателями оказываются два типа персонажей: это ученые либо администраторы, основавшие и управлявшие данными производствами с самого начала (Графтио, Алферов-старший), а также члены правительства (в первую очередь С. М. Киров, курировавший эти «первопроизводства», и отчасти В. И. Ленин, подготовивший для этого почву).

Примечательно, что в случае, если эти производства входят в ядро идентичности горожан, их наличие в городе воспринимается как нечто положительное, родное, вызывающее гордость, а если нет — как нечто чуждое, вредное и нечистое. Важный диагностический кейс для этого — сюжет с алюминиевым заводом в Волхове: как только завод перестал ассоциироваться с «тем самым» первопроизводством, сменив собственника, название и направленность с эпической в глазах волховчан алюминиевой промышленности на профанные фосфоросодержащие удобрения, он из «родного», «своего», «первенца цветной металлургии в России» превратился во врага, который отравляет воздух и не дает горожанам жить. То же отчасти характерно и для Светогорского ЦБК (International paper). Символическая преемственность оказалась критически важна.

Слегка отличаются от этой схемы индустриальные кластеры, перешедшие к СССР после войны (Кренгольмская мануфактура на Парусинке в Ивангороде и Светогорский ЦБК, ныне International Papers), однако это не мешает воспроизводить общую структуру нарратива, только демиургами и «первоходцами» оказываются более отдаленные во времени деятели: барон Штиглиц и барон Сандершкёльд (последний эксплуатируется в качестве «основателя первенца» в том числе и руководством комбината)⁹³. И только Нарвская ГЭС в Ивангороде остается без отца-основателя, однако все равно присутствует в воспоминаниях горожан.

Третий важный нарратив, касающийся практически всех рассмотренных городов (и имеющий некоторое отношение к предыдущему) — это *утраченный рай*, «былая слава» и процветание советского периода, и, контрастом к ним, состояние *разрухи* после перестройки. В этих нарративах горожане опираются на свои собственные воспоминания молодости и с романтизированной ностальгией относятся к жизни в своих городах в советское время. В первую очередь это выявляется в сюжетах о важных городских территориях, которые в те годы имели гораздо лучшую инфраструктуру и гораздо более насыщенный график общегородских мероприятий, позволяющих почувствовать коллективность и положительный совместный опыт, а также

⁹³Статья «International Paper отмечает 130-летие Светогорского ЦБК» в издании «Леспром информ»: «История комбината началась в 1887 году, когда шведский барон Карл Август Сандершкёльд начал на р. Вуоксе строительство завода древесной массы под названием Enso («Первенец») (sic!): [<https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=4804>].

в сюжетах о городских производствах (если они есть), которые давали рабочие места всему городу и курировали социальную сферу: проводили праздники, отправляли сотрудников и их детей на отдых, строили общественные здания и благоустраивали публичные территории, а теперь либо закрылись совсем, либо критически сократились в объемах и сняли с себя социальную нагрузку, либо сменили вывеску и владельца и более не ассоциируются с чем-то «своим».

Отдельным важным отчасти историческим сюжетом для многих рассмотренных малых городов является *городской статус*. Что интересно, населенный пункт может задаваться этим вопросом безотносительно фактического размера. Так, ряд рассмотренных нами мест выделяет присвоение городского статуса в качестве важной вехи истории своего города (особенно это заметно в Подпорожье, но также это большой вопрос для Коммунара и Светогорска). При этом самый маленький город — Новая Ладога — подобных вопросов не ставит, поскольку имеет этот статус априорно по факту рождения.

Важный компонент идентичности — *большая вода*, на которой стоит город: во всех ассоциативных экспериментах обязательно появляется имя реки, а в случае Новой Ладоги — «озеро» (вероятно, чтобы избежать омонимии города и озера); при этом в презентациях для «других» река может и не быть. Получается, что река/озеро — один из центральных объектов на воображаемой карте всех этих городов.

Более «глубокие» исторические сюжеты гораздо раздробленней и, как правило, менее проявлены в ассоциациях жителей (за исключением собственно «исторических поселений» в понимании Федерального закона «Об объектах культурного наследия»). Так, актуализированность памяти о дореволюционной истории характерна в первую очередь для Ивангорода и Новой Ладоги (для последней фигурой демиурга выступает Петр I, что большая редкость для рассматриваемых городов), тогда как в остальных случаях индустриальная история «первенства» побеждает на символическом поле дореволюционную, даже если последняя присутствовала в этих местах, и «глубоко исторические» сюжеты в этих городах скорее оказываются в некотором роде «экспортным товаром» для гостей, чем объектом внутреннего потребления.

Остальные мотивы более локальны и имеют большую территориальную привязку.

Так, треугольник южного Приладожья «Волхов — Новая Ладога — Сясьстрой» имеет интересное распределение мотивов между собой. Например, Сясьстрой делит с Новой Ладогой «исторические» сюжеты: о Суворовском полке и о купцах-меценатах, а также особенности близости к Ладоге — приладожские каналы, привычку повседневного взаимодействия с водой; а с Волховом — сюжеты «индустриальной гордости первенства» и признательность С. М. Кирову. Для всех трех при этом характерен военный дискурс, описанный выше.

Инженер Графтио чрезвычайно важен для обоих городов с гидроэлектростанциями — как Волхова, так и Подпорожья. Основатель

третьей ГЭС в нашем списке оказался на перевернутой исторической странице другой страны.

В трех городах идентичность завязана на целлюлозно-бумажный комбинат: это Сясьстрой, Светогорск и Коммунар. При этом конкретика отношения к градообразующему предприятию варьирует между городами.

Городской парк, больше похожий на лес — сосновый бор на берегу реки — центральное место символического объединения города для Сясьстроя и Подпорожья. При этом пойма реки в Коммунаре, не имеющая такого символического статуса, оказывается для горожан «чистым листом».

Мотив разделенности города на две части и соперничества этих половин характерен для Волхова и Мурин⁹⁴. В обоих случаях есть граница (река или железная дорога, перейти через которую можно буквально в паре мест), есть более старая половина с «правом первородства», которая, тем не менее, на данный момент оказывается менее престижной, современной, комфортной, чем более новая. При этом обе половины смотрят друг на друга с неприязнью и иногда с неосознанной завистью и используют все символические ресурсы для отделения от ближайшего «другого». В определенном смысле такая разделенность характерна и для представлений ивангородцев, у которых граница вполне реальная, но в их случае эстонский город Нарва воспринимается не соперником, а насильно разлученным собратом.

Упомянем отдельно и лакуны на тех местах, которые мы ожидали увидеть заполненными. Например, это касается этнического компонента: территория Ленинградской области исторически была местом проживания разнообразных финно-угорских групп, как малых (вепсы, водь, ижора и др.), так и относительно многочисленных (финны). При этом, если в соседней Карелии этнический компонент так или иначе проявлен в дискурсе жителей, то в Ленинградской области он либо стыдливо замалчивается в силу geopolитических причин (Светогорск), либо проявляется в виде симуляков вроде «этнических» народных ансамблей, выросших из советской сконструированной «демонстрационной» традиции, либо чаще всего полностью выпадает из поля зрения горожан, изредка проявляясь в топонимах и особенно гидронимах (см. известную горожанам этимологию Сяси и других мест). Возможно, во многом это связано с новозаселенностью этих городов в советский период: большая часть жителей массово переехала

⁹⁴Мурино — город-сателлит на северо-востоке Санкт-Петербурга. Он не вошел в эту подборку, потому что методология работы с ним отличалась от описанной, однако по своим признакам он вполне встраивается в указанные кластеры. Мурено состоит из собственно Мурено (теперь Восточного Мурено), бывшего поместья графа Воронцова, ныне с частной и советской застройкой, и Западного Мурено — новейшего микрорайона, появившегося «на капустном поле» около 15 лет назад и растущего с огромной скоростью (на 2020 год совокупное население Мурено составляло 65 000 человек, притом, что в 2010 было 7000). Это, к слову, не мешает городу тоже сомневаться в своем городском статусе. Восточное и Западное Мурено, разделенные железной дорогой, используют друг друга в качестве ближайшего «чужого», от которого можно отстроиться и присписать соседу все то, что сам считаешь неприемлемым.

ла в рассмотренные города, в том числе из других регионов страны, либо в 1920-е годы (Волхов, Сясьстрой, Подпорожье), либо после 1945 года (Ивангород, Светогорск, Коммунар), тем самым «размыв» более давние группы жителей. Кроме того, этнические группы Ленинградской области скорее ассоциируются с сельскими поселениями, нежели с городскими. Хотя при учете размеров рассматриваемых городов формальная разница не так велика, основное различие приходится на уклад и бытовые практики, в том числе традиции языковой трансляции (точнее, в данном контексте ее отсутствия).

Выводы

Во-первых, нарративы, которые проходят «фильтр» исторической памяти, тесно связаны на идентичность жителей, престиж и символический капитал. Если город «играет на общероссийском поле», то актуализированность исторических деятелей общероссийского масштаба будет гораздо выше, чем в тех городах, к которым эти деятели имели примерно то же отношение, но город при этом не имеет подобных амбиций. Так, Ленин и Графтио гораздо чаще встречаются в ответах волховчан, чем подпорожцев, Петр I — в ответах ивангородцев и ладожан, чем тех же подпорожцев, Суворов — в ответах ладожан, чем сясьстройцев, и т. д.

Во-вторых, в исторической памяти горожан, как правило, отражается то, что воплощено в пространстве в виде физических объектов или топонимики, то есть представляет собой место памяти [Нора 1999]. Ивангородская крепость напоминает о бесконечных войнах со шведами, о царях Иванах и Петре I; герои Великой Отечественной войны воплощены в монументах, бюстах на аллеях памяти и в табличках с названиями улиц; гордость индустриального первенства зримо присутствует в ГЭС и корпусах ЦБК. Обратное тоже верно: если в городе не сохранилось исторической застройки (как в Волхове, Сясьстрое, Подпорожье, Коммунаре) или она не распознается как таковая (Светогорск), то жители чаще всего равнодушны к той истории, которую не застали они лично или их семья.

То есть идеальное сочетание факторов для попадания в дискурсивное поле горожан — вхождение в ядро идентичности в сочетании с физической представленностью в городском пространстве. При этом одно может усиливать и провоцировать другое: при общем мотиве «Великой Отечественной» в каждом городе помнить будут именно тех героев, кто институционально увековечен в памятниках, названиях улиц и др.

Глубина «непосредственной» исторической памяти [Хальбвакс 2005], в том числе памяти, не воплощенной в физической среде — например, об утраченных объектах или о событиях и лицах без привязки к ландшафту коррелирует с давностью жизни большинства семей в городе. На территории Ленобласти ряд исторических горо-

дов оказался массово заселен современными жителями после Второй мировой войны; это привело к тому, что актуальной городской памятью большей части жителей стали их собственные воспоминания, а остальная «книжная» история актуализирована постольку, поскольку имеет проявления в городской среде. Для тех же городов, в которых «укорененность» семей восходит к моменту основного заселения города, такая топографическая привязка гораздо менее важна, а значимое отсутствие может вызывать конфликты (как случилось с ныне несуществующим Волховским алюминиевым заводом). При этом важно, что из рассмотренных городов только в одном — Новой Ладоге — многие семьи проживают с дореволюционного периода, остальные города оказываются в той или иной степени «новозаселенными».

Существование и сохранность исторических нарративов в рассмотренной выборке обратно коррелирует с динамикой прироста населения. Это связано с тем, что исторические сюжеты более распространены в тех городах, где заметная часть семей живет не первое поколение, а иммиграция из других регионов при этом низкая. При этом из-за второго демографического перехода вместе с систематическим оттоком молодежи в результате наблюдается убыль населения. Это характерно для всех рассмотренных городов, за исключением сателлитов: находясь рядом с мегаполисом, они, наоборот, привлекают переселенцев, и за счет этого потока «вымываются» те исторические нарративы, которые там, возможно, существовали раньше.

Литература

- Алексеевский, М. Д. (2015). Прикладная городская антропология. *Управление развитием территорий*, 2015(1), 20–24.
- Воробьева, О. В. (2021). Разработка количественного опроса в прикладных городских исследованиях. *Городские исследования и практики*, 6(2), 85–95. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp62202185-95>
- Линч, К. (1982). *Образ города*. М.: Стройиздат.
- Методическое руководство по проведению проектных семинаров — публичных встреч с жителями, посвященных выработке общественных заданий на благоустройство территории. (2019). Ижевск: Центр развития городской среды Удмуртской республики.
- Нора, П. (1999). Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. В П. Нора, М. Озуф, Ш. Плюимежа, М. Винока. *Франция — память*, 17–50. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Оже, М. (2017). *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. М.: Новое литературное обозрение.
- Хальбвакс, М. (2005). Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, 2/3(40/41). Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>
- Kuzenbach, M. (2003). Street phenomenology: the go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3), 455–485. DOI: 10.1177/146613810343007

References

- Alekseyevskiy, M. (2015). Applied urban anthropology. *Territory development management*, 2015(1), 20–24. (In Russian).

- Halbwachs, M. (2005). Collective and historic memory. *Reserved funds*, 2/3(40/41). Retrieved from <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (In Russian).
- Kuzenbach, M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3), 455–485. DOI: 10.1177/146613810343007
- Lynch, K. (1982). *The image of the city*. Moscow: Buildpress. (In Russian).
- Methodological guide in democratic design sessions – public meetings with citizens dedicated to development of design assignments for public amenities.* (2019). Izhevsk: Center of Urban environment development in Udmurt republic. (In Russian).
- Nora, P. (1999). Between memory and history. Problematics of places of memory. In P. Nora, M. Ozouf, G. Puimegea, M. Winock. *France – memory*, 17–50. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Ozhe, M. (2017). No-places. Introduction to the anthropology of hypermodernity. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Vorobyeva, O. (2021). Quantitative survey design in applied urban studies. *Urban studies and practices*, 6(2), 85–95. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp62202185-95> (In Russian).